

АЛЕКСЕЙ МУТОВКИН

НУОНИЭЛЬ

- II -

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

12+

Алексей Мутовкин
Нуониэль. Часть вторая

«Автор»

2017

Мутовкин А. Н.

Нуониэль. Часть вторая / А. Н. Мутовкин — «Автор», 2017

“Битва со злом не может быть выиграна одним взмахом меча! Это сражение ведётся не на одном поле боя и не в один день! Эта ежедневная схватка! Каждый час и каждую минуту! Она идёт во всех уголках мира! Вы сражаетесь со злом от вашего рождения до вашей смерти! Каждое ваше решение станет либо ударом по силе тьмы, либо ударом по силам света. И если вы этого не понимаете, то зачем вообще топчите землю? Поймите: никакой великой схватки со злом не будет! Никто не хочет уничтожать мир, и мир этот не надо спасать! Он будет всегда, но вопрос в том, каким он будет. Он может быть вашим, а может стать чужим.”

© Мутовкин А. Н., 2017

© Автор, 2017

Алексей Мутовкин

Нуониэль. Часть вторая

Глава 14 «Тимбер Линггер»

Многие сказания о драконах, колдунах и рыцарях начинаются в питейном доме. Здесь в полумраке толстый половой – владелец заведения, грустит, лениво отгоняя мух. Редкие посетители разных мастей сидят за липкими столиками. Жёлтый огонь горелок освещает морщинистые и щетинистые лица. Из окна, затянутого бычьим или козым пузырьём еле пробивается дневной свет; в его тусклых лучах пляшут пылинки. Почему же барды и рассказчики начинают свои истории в таких скучных местах? Что такого захватывающего в питейных домах, которые в Вирфалии называют раскатистым словом «кружало»? Чтобы это понять, достаточно присмотреться к самим сказочникам и бардам, которые любят драконов, волшебство и прочих невероятных единорогов. Обычно это добрые и милые люди, которые сами в жизни и мухи не обидят. Им в радость мечтать о далёких землях, прекрасных принцессах и рыцарях в сияющих доспехах. Такие барды с нежными руками, тонкими пальцами, заточенными под перебирание струн музыкальных инструментов, никогда не странствовали дальше родных провинций. Эти воспитанные люди в жизни не видели диких зверей, хладнокровных бандитов, коварных злодеев и затхлых пещер. Единственное место в их спокойном и безопасном мире, где можно ощутить тревогу, почувствовать вкус иной жизни – питейный дом. Это та самая пещера, где живут чуждые бардам существа. Именно тут можно наткнуться на грязные сапоги, топтавшие далёкие земли. Здесь от табачного дыма режет глаз, от хмеля туманит взор, а от бранных слов простого люда на душе становится тоскливо. Это место, где бард с тонкими пальцами, сделанными для того, чтобы ласкать лютню, чувствует себя одиноким.

Историю рыцаря Ломпатри тоже следовало начать именно с такого кружала в вирфалийской провинции Крестовь. Сама провинция – место не менее интересное, чем Дербены. Если Дербены – самая северная провинция всего Троецарствия, то Крестовь – тоже самая северная провинция, уступающая только Дербенам. Другими словами, Крестовь – мертвецки-скучное захолустье. Но самое любопытное здесь то, что местные жители считают свою соседку – самую-самую северную провинцию – малолюдным, диким и унылым местом. В то время как всё остальное Троецарствие считает именно провинцию Крестовь таким вот захолустьем. Звучит запутанно, но при путешествии в Крестовь эти вещи стоит знать назубок. Ведь каждый раз в бытовых спорах с иноземцами, жители провинции Крестовь напоминают, что они – не край света, а что есть ещё и Дербены – и вот там-то и живёт настоящая «деревня»; ну а от их границы до стольного града Идрэна всего три с половиной дня пути. Но, как назло, иноземцы для подобных разговоров, в большинстве своём, попадают такие, которые никогда не слышали о Дербенах и в ответ лишь снисходительно улыбаются недалёким простакам. Местные, конечно, догадываются, что подобные улыбки смахивают на насмешки, но открыто об этом не говорят. Зачем обижать редких иноземцев-путешественников, забредших в их край? Других-то путников нет, а поговорить с новым человеком страсть как охота. Пусть уж улыбается!

Рассказ о человеке всегда стоит начинать с момента его рождения, а ещё лучше немного загодя. Но в случае рыцаря, именно тот день в кружале можно считать началом всей истории. Ломпатри вместе с верным слугой томился в дальнем гулу питейного дома и водил кончиком ножа по грязной столешнице, оставляя в толстом слое старого жира белую бороздку. Скрипнула входная дверь. Из ярких лучей погожего дня появился Закич, радостный и довольный собой.

– Вот видишь, рыцарь, что бывает, когда такому толковому парню, как я платишь вовремя! – заявил коневод, подсаживаясь к спутникам.

– Бывает то, что ты шляешься невесть где, и пропиваешь заработанное, – буркнул в ответ Ломпатри.

– Нет! – лицо Закича расплылось в простодушной улыбке. – Я его нашёл!

– Не томи! Докладывай! Не люблю загадки, – рычал командир.

– Слухи про ту странную компанию – помните? Видели их местные. На Стольном Волоке. Сюда в деревню – не пошли. Если поторопимся, перехватим на распутье на полночной дороге.

– Сколько их? Трое, говорят? – спросил Ломпатри, хотя уже знал ответ. – Что местные гуторят: высокая эта троица, али низкорослая?

– Говорят, с виду люди как люди, – ответил Закич.

– Значит, за гномов не сдать, – тяжело вздохнув, заметил Ломпатри.

– Но один из них всё время лицо прячет – капюшон у него на голове. Даже когда солнце палит, как сейчас, – добавил Закич.

Ломпатри поднялся.

– За колдуна сойдёт, – как-то грустно заметил рыцарь и направился к выходу.

– Это около десяти серебряников! – радостно сказал Закич, спеша за Ломпатри. – Потом припасов добудем, да и жалования можно выплатить на несколько недель вперёд.

– Но мне не к спеху, – смеясь, заметил Воська.

– К спеху – не к спеху, а монета к монете! – подняв указательный палец вверх, ехидно заметил Закич. – Что бы ты, господин рыцарь, без меня делал!

– Рачительствовал, – резко отсёк Ломпатри и вышел из кружала на залитый солнечным светом двор.

Через несколько минут Ломпатри и Закич выехали из деревни, оставив Воську впрягать коней в телегу и догонять их по северной дороге, ведущей через холмы к Волоку. Из деревни шло всего две дороги – та, по которой путники въехали – южная, и та, по которой они собирались деревню покинуть – северная. Глупый и старый Воська внимательно выслушал наставления хозяина о том, куда ехать и когда.

Стоял один из тех деньков осени, когда солнце на прощание светит чуть сильнее, а тёплый ветер, перед тем, как уступить место холодному, ещё разок пролетает над землёй, лаская отяжелённые плодами садовые деревья. Рыцарь и коневод прошли по песчаной дороге около часа. Дрожка вилась меж холмов, усаженных яблонями, источающими приятный аромат плодов. Она то поднималась, открывая раздолье северной окраины провинции, то опускалась в низину, где в тёплом безветрии и полуденной тишине на путников накатывала дрёма. Да, да! Несмотря на то, что путники ехали на столь беспокойное для души дело, дрёма одолевала их, заставляя смятённые сердца биться медленнее. Когда они поднялись на очередной холм, то увидели смычку песчаной дороги со Стольным Волоком. Там к смычке приближались три фигуры.

– Говорил же, успеем перехватить! – возрадовался Закич.

– Вот теперь уж не болтай, каналья – дело делаем, – хмуро ответил Ломпатри и протянул руку своему коневоду.

Тот подал рыцарю стяг. Ломпатри расправил его и над холмами, на осеннем ветре затанцевал силуэт белого единорога.

– А если он на самом деле не колдун? – спросил Закич. – Гвардейцы ведь в таких случаях не спрашивают. Повесят простого человека ни за что.

– А если ты на самом деле не коневод? – посмотрев в глаза Закичу, спросил в свою очередь рыцарь. – Я в твои дела не лезу, вот и ты в чужие не лезь.

Ломпатри направил коня вниз к перепутью. Подъехав к незнакомцам, рыцарь осадил коня. Троица эта оказалась незаурядной для Стольного Волока: двое стариков в грязных накидках, непонятного цвета и рослый парень в зелёном плаще с капюшоном. Этот шёл впереди. Старики следом волочили тяжёлый сундук, с приделанными к нему маленькими колёсами и

жердями, из-за которых вся эта конструкция походила на тачку с крышкой. Когда Ломпатри остановился перед ними, один из стариков поспешил приблизиться к рыцарю и заговорил:

– Несите свет сквозь тьму, господин рыцарь, – вымолвил старик вежливым голосом и стал учтиво кланяться, чуть выворачиваясь при наклоне вправо, как это делали только те, кто принадлежал к благородным сословиям.

– Кто вы такие? – громко спросил Ломпатри, когда понял, что этот старик более ничего не собирается говорить.

– Мы простые путники, господин. Следуем на полночь по Стольному Волоку. Законов не нарушаем. Из добра – только походные вещи, – учтиво ответил старик и снова отвесил вежливый поклон.

– Среди вас нелюдь, – решительно заявил Ломпатри.

Старик поднял глаза на рыцаря, затем обернулся на своих спутников и, как показалось Ломпатри, не забыл кинуть взгляд на Закича, который тоже потихоньку спускался к перепутью.

– Мой господин... – начал объяснять старик.

– Я не твой господин, холоп! – резко оборвал его Ломпатри. – А был бы твоим, высек бы немедленно! Теперь посторонись! Этот нелюдь будет доставлен в стольный град и передан суду. Там решат, что с ним делать.

– Господин рыцарь – вы безумец, – отчаявшись вразумить своего собеседника, проговорил старик спокойным голосом.

– Следи за языком, холоп! Я ведь могу его отрезать! – ещё громче закричал Ломпатри, вонзил штандарт со стягом в землю и обнажил меч.

– Этот господин – нуониэль. Причём самый могущественный, – сказал старик. – Вы умрёте раньше, чем успеете поднять свой меч!

– Прочь с дороги! – отчётливо скомандовал Ломпатри. Старик послушно посторонился. – Покажи своё лицо, путник! – обратился рыцарь к нуониэлю.

Говорят, что исход битвы зачастую решается ещё до начала сражения, и гениального воеводу отличает то, что он умеет одерживать победу до того, как вступит в бой. Те, кто верят в сказки – например барды, которые ужаснее местного кружала ничего в жизни не видели – соглашаются с этим утверждением, не вдаваясь в его суть. Более приземлённые люди, которым не свойственно размышлять о том, что невозможно пощупать руками, но у которых есть опыт сражений в качестве солдат, тоже поймут данный постулат, хоть и не смогут его объяснить. А вот упёртые болваны, не верящие ни сказкам, ни суровому опыту других людей, сожмут нелепую гримасу и твёрдо заявят, что до начала сражения ни одна душа в мире не может знать его исхода, ибо будущее неведомо. Ломпатри в сказки не верил, но и болваном его назвать невозможно. Он точно знал, как выигрывать сражения любой сложности и любого масштаба, от многотысячных побоищ, до дуэлей. В тот погожий осенний день на распутье, рыцарь находился в прекрасном настроении и отличной форме. Он был сыт, бодр и свеж. В левой руке он держал оживальный щит и заодно поводья верного коня, в правой руке – длинный, сияющий меч. Его грудь покрывала тонкая кожанка, с тиснением в виде гарцующего единорога. Мягкие сапоги только что отремонтированные Воськой плотно прилегли к голенищу, волосы удобно прибраны назад. Ломпатри знал, что ему с руки победить кого угодно. Но то касалось людей, а на этот раз перед ним стоял кто-то, кто человеком не являлся. Ломпатри уже доводилось сдавать гвардейцам карликов и дурно-пахнущих стариков, выдавая их за сказочных существ или волшебников. В таких случаях и он, и гвардейцы знали, что это никакие не сказочные существа, а простые неудачники, попавшие не в то время не в то место. Но пока ненависть ко всему чуждому кипела в людях, подобные происшествия оставались в ходе вещей. Теперь же перед ним оказался некто, с кем раньше рыцарь никогда не встречался. Он слышал о неких нуониэлях, которые живут далеко на юге – ещё дальше странного края Айседолиса, где всяких существ полно, и докуда неприязнь к причудливым созданиям ещё не дошла. До этого дня

Ломпатри не видел ни одного нуониэля, но то, что у этого существа, так же, как и у людей, будет голова, уши и пара глаз, рыцарь знал точно. А если есть глаза, то в них можно различить страх, неуверенность, браваду или же безумие. Ломпатри понимал, что, если этот невиданный доселе нуониэль послушается его, скинет с головы капюшон и покажет глаза – победа будет за владыкой провинции Айну. И вот медленно сдвинув капюшон назад, нуониэль повёл голову вправо, поправив веточки, украшавшие его макушку вместо волос. В тот день, на ярком осеннем солнце иголки лиственницы, уже подёрнутые желтизной, горели ярче обычного, радуя мир последним всплеском своих насыщенных красок. Удивление переполнило рыцаря в тот момент, когда он увидел столь необычный покров головы. Всё же, Ломпатри взял себя в руки и сохранил серьёзность в своём взоре. Ниспадавшие на правое плечо нуониэля веточки, мягкие, тонкие и пластичные, как будто это вовсе не дерево, а тонкие косы с вплетёнными в них иглами, выглядели и жутко и прекрасно. С одной стороны, сами веточки были красивы, но, приглядевшись к тому месту, где они касались головы, чувство прекрасного отступало перед неестественностью. Шероховатость головы, трещинки и местами сухая кожа с выросшими из неё подобно рогам ветками напоминала образы тех больших, бесшерстных животных, которых лучше рассматривать издали, нежели приглядываться к ним с близкого расстояния. В несомненной красоте кончиков веточек терялись их корни, начинавшиеся так, как начинается у носорога рог или как у слона – хобот. Странно и непривычно. Своим орлиным взглядом Ломпатри вмиг разглядел лицо нуониэля во всех деталях. Сказочное существо оказалось почти стариком; по людским меркам лет пятидесяти четырёх, пятидесяти пяти. Лицо покрывали немногочисленные, но глубокие морщины. Под густыми бровями, то ли из толстых зеленоватых волос, то ли из тонких коричневатых травинок, рыцарь различил спокойный взгляд. Ломпатри еле-заметно улыбнулся: ведь нуониэль послушался и снял капюшон. Победа одержана ещё до начала схватки! Но в тот же миг нуониэль медленно перевёл свой взгляд чуть ниже, прямо на кирасу, закреплённую за спиной рыцаря на крупе лошади. Там лежала та самая дорогая сердцу и действительно хорошая кираса, в которую рыцарь облачился бы, замени Воська вовремя кожаные ремешки, стёршиеся и порвавшиеся ещё две недели назад. Ломпатри и сам глянул на кирасу. Огрызок старого кожаного ремешка торчал в сторону прямо из-под начищенного до блеска металла. Дороговизна доспеха была видна за версту, и то, что этот доспех лежал упакованным на лошади, а не защищал грудь рыцаря, который собирался силой решать вопрос на перекрёстке, говорило о многом: вся судьба последнего года странствий рыцаря отчётливо читалась в этой бесхозной кирасе со старыми ремешками. И когда Ломпатри вновь глянул на нуониэля, рыцарю стало понятно, что это не он, а сказочное существо только что одержало победу в битве, которая неизменно происходит до сражения и решает исход оною.

Деваться некуда: меч обнажён, и момент требовал сражения. Но тут произошло то, что отложило смерть Ломпатри и определило его дальнейшую судьбу. Из-за поворота за холм в солнечной дымке песчаной дороги показался всадник. Он стремил своего коня рысью прямо к перекрёстку. В руках он держал синий стяг с белой стрекозой. На конце стяга красовалась длинная синяя лента, развивающаяся по ветру аршина на три за всадником. В Вирфалии такие ленты вешали на стяг в том случае, если сам представитель рода лично присутствовал в отряде. Приблизившись к перекрёстку, всадник остановился. Ломпатри заметил, что нуониэль всё ещё смотрит на него самого и не отводит взгляд ни на миг. «Бойся, что, если отвернётся, я сразу же атакую его, – подумал Ломпатри. – Видать, матёр». Не успела пыль осесть, как из-за холма появилась группа всадников, человек в тридцать. Когда они подъехали к перекрёстку, от них отделился один в красивом шлеме, увенчанном белыми перьям. Он расстегнул шлем, снял его, а затем снял и подшлемник, которым вытер свою облысевшую голову. Это был рыцарь Гастий из рода Аркиров – двадцатилетний парень, унаследовавший от предков как лысину, так и дурной нрав вкупе с абсолютно непримечательной историей своей фамильной линии. Всё же, несмотря на спесь, присущую всем из его рода, Гастий, как и подобает настоящему

рыцарю, заговорил первым. По рыцарским законам поведения именно подъехавший рыцарь должен первым приветствовать всех, кто уже закончил движение к месту встречи и ожидает последнего.

– Счастлив видеть всех вас, путники, – громко произнёс Гастий своим звучным, но неприятным голосом. Ломпатри покорило то, что этот вирфалийский рыцарь, обратился не к нему в частности, а ко всем присутствующим. В прошлой жизни Ломпатри не оставил бы подобное отношение безнаказанным даже от представителя самого невоспитанного рода, каким и слыл род Аркиров.

– Премного рады, – ответил Ломпатри, как подобает по всем правилам. – Наше счастье столь же огромно, как ваше, господин Аркир.

– Гастий Аркир, к вашим услугам, – отвечал лысый рыцарь. С каждой секундой Ломпатри терял самообладание: этот нахал ответил на фразу, но не добавил в конце требуемого всеми писаными и неписаными правилами обращения «господин». Для дуэли этого может быть и маловато, но требовательного к этикету Ломпатри формальности никогда не останавливали. Однако сейчас, когда за спиной смутьяна блестело на солнце три десятка копий, Ломпатри проглотил оскорбление.

– Среди вас есть одна дрянь, которую некоторые называют сказочной, – снова заговорил Гастий, глядя на стоявшего к нему спиной нуониэля. – Пусть нелюдь назовёт себя!

Нуониэль спокойно повернулся к Гастию. Тот старик, спутник нуониэля, что разговаривал с Ломпатри, поспешил к молодому рыцарю.

– Господин Аркир, будьте милосердны, – начал он, касаясь сапога Гастия. Спесивый рыцарь вынул ногу из стремени и ударил старика сапогом в грудь. Тот упал в дорожную пыль и закашлял, жадно хватая воздух. Второй старик подбежал к своему товарищу и стал оттаскивать его с пути.

– Оставь, Говруша, – сопел упавший старик своему другу. – Не дай им этого сделать. *Его спасай!*

– По закону этой земли, ты должен быть полонён! – снова обратился Гастий к нуониэлю. – Ты отправишься с нами в Идрэн, где выяснят человек ты или тварь.

С каждым словом Гастия что-то странное происходило в душе Ломпатри. Старый рыцарь был унижен и оскорблён всем своим бедственным положением, которое терпел почти год. Теперь же к этому добавилось и пренебрежительное отношение рыцаря, который бы раньше почёл за честь просто находиться с Белым Единорогом в одном помещении. Но больше всего Ломпатри корбило то, как этот лысый урод говорил с нуониэлем. С тем, кто только что одержал победу, сделав всего лишь один взгляд на неготовую к бою кирасу. Старый рыцарь хоть и не считал нелюдя ровней себе, всё же отдал должное твёрдому духу нуониэля.

– Господин Гастий, – заговорил Ломпатри, спешившись и спрятав свой меч в ножнах, – честь и хвала вам за орлиный взор, охватывающий всё до окоёма. Это действительно сказочное существо, и место ему в Идрэне, на допросе. Именно с этой целью я и остановил его здесь на перекрёстке, чтобы пресечь вольные странствия и лично доставить в стольный град к трону короля Девандина.

– Я благодарю вас за бдительность, – ответил Гастий, снова не добавив обращения «господин». – Я передам дяде Девандину, что род Сельвадо поныне чтит законы нашего края и готов в любую минуту задержать тусветную тварь, чтобы предать справедливому суду.

– Честь быть упомянутым при дворе короля Девандина поистине велика, – отвечал Ломпатри. – Мне стыдно, что я не смел и надеяться на такое благородство с вашей стороны. Ведь ваше благородство не знает границ. Как я могу позволить себе продолжить путь, зная, что доблестный рыцарь и племянник короля Девандина прервал своё странствие, только ради того, чтобы тащить преступника на суд? Мои дела подождут, и я позабочусь о том, чтобы этот нелюдь без промедлений оказался в столице.

– Сельвадо! – засмеялся Гастий. – Если вам нужны деньги, обратитесь к Кирки – он выдаст вам за голову этого ветковолосого. Кирки!

К Гастию подкатил полноватый тип с бледным лицом. Это был Кирки, счетовод Гастия.

– Двадцать медяков, господин Гастий, – безразлично заявил Кирки, глядя на своего хозяина и бесцеремонно лузгая какие-то семечки. – Да, двадцати вполне за этого старикашку.

– Это щедрое предложение, господин, – сказал Ломпатри уже совсем другим тоном. – Сколь рад был бы я принять его! Но *вы* примите мой отказ, господин Гастий. Я первым оставил сказочное существо. Я имею полное право полонить его и вести в стольный град.

– Какое право, Сельвадо! – махнул на рыцаря рукой лысый нахал.

– Вы забываетесь, господин! – озлобленно заявил Ломпатри, сделав несколько шагов вперёд и поравнявшись с нуониэлем. – Ваша речь неучтив!

– Слышали это? – громогласно спросил Гастий, обращаясь к своим людям. – Оказывается, в Атарии теперь не только благородные знают, что такое учтивость, но и те, кого и рыцарем-то назвать язык не повернётся.

– Я помогу вашему языку повернуться, после нашей с вами дуэли, – ответил Ломпатри, когда напускной смех сопровождающих Гастия начал стихать.

– Рыцарь не может выходить на дуэль с кем попало, – сказал Гастий. – Даже если этот кто-то нарисовал на куске ткани символ несуществующего нынче атарийского рода, чья слава угасла, как угасает жизнь юной девы, нелепо простудившейся после бездумной поездки на охоту в холодный осенний день.

Ломпатри на это ничего не ответил. Он сжал губы и закивал головою так, как кивают люди, которые согласны со всем, что им сказали и ничего больше не могут добавить.

Закич наблюдал за разговором, медленно спускаясь на своей Дунке к перекрёстку. Позади раздался знакомый скрип телеги; это поспел Воська с поклажею. Закич обернулся лишь на мгновение, а когда снова глянул на перекрёсток, битва кипела во всю.

Как только Ломпатри кинулся на Гастия, перед ним возникли три всадника верхом на хороших вороных жеребцах. Щит рыцарь оставил на коне, повесив на специальное крепление у седла. Поэтому Ломпатри яростно орудовал своим сияющим мечом, взявшись за него двумя руками. Первым ловким движением он перерезал горло одному из жеребцов. Второму животному он ударил в нос гардой меча, третьему вонзил клинок в шею. Два коня упали, корчась в агонии. Всадники оказались с придавленными ногами на земле. Третий всадник, чьего жеребца рыцарь ударил в нос, был ещё в седле. Лихой малый даже успел атаковать Ломпатри, сделав несколько ударов. Но матёрый рыцарь с лёгкостью отразил их и, подойдя вплотную к всаднику, вогнал ему меч под рёбра, в месте, где кожаная броня перевязывалась тесьмой.

Воины Гастия заробели. Они стояли в нерешительности, глядя, как Ломпатри подходит к одному из поверженных всадников. Тот лежал на земле, отчаянно пытаясь дотянуться до отскочившего меча. Поняв, что над ним возвышается рыцарь, всадник замер и затаил дыхание.

– Моя Илиана выезжала со мной на охоту не холодным осенним днём, а летом! – свирепо сказал Ломпатри и со всей силы топнул по горлу всадника, сломав бедняге шею. Хруст мягких костей вместе с непонятным звуком, успевшим вырваться изо рта всадника, сняли оцепенение с людей Гастия.

– Убить! – закричал вирфалийский рыцарь, обнажив благородный меч.

Теперь в дело пошли не только мечи, но и копья, большие круглые щиты, топоры и луки со стрелами. Ломпатри метнулся назад, к коню; рассчитывать на то, что ещё есть время окатиться в седле он не смел – но дотянуться до щита стоило попытаться. Краем глаза рыцарь заметил, как нуониэль отпрыгнул с пути надвигавшихся на него конных воинов. Сказочное существо нырнуло с песчаной дороги, упав в густую траву. Затем Ломпатри схватил свой щит и еле успел прикрыться от кавалерийской пики: всадники уже настигли свою жертву и, не останавливаясь, устремились дальше по дороге, чтобы развернувшись, снова обрушить на Лом-

патри сокрушительные удары своих древковых оружий. Конь рыцаря испугался суеты и снялся с места. Ломпатри еле успел схватить шлем. За всадниками на рыцаря навалилась куча спешившихся воинов. Обмундирование на них было не первой свежести, но сноровка выдавала в них опытных солдат. Короткие булатные мечи и круглые щиты приближались, сверкая точёной сталью на ярком осеннем солнце. Рыцарь нахлобучил шлем, в который уже был вложен подшлемник, и не стал его застёгивать; времени не осталось – настал миг, чтобы поднимать щит. Закрываясь щитом, глядя из-под плохо-надетого шлема, Ломпатри еле различал, что происходило вокруг. Он видел лишь узкую полосу дороги, где пешие воины отчего-то смялись и более не двигались на него. Ломпатри обернулся, успев за мгновение оценить расстояние до всадников позади и расстояние до своего коня, стоявшего теперь в высокой придорожной траве. Все враги оказались достаточно далеко. Поймав момент, рыцарь поправил свой шлем и, наконец, застегнул его как следует. Рыцарь приготовился принять бой. Но не он один теперь сражался с вирфалийскими солдатами. Нуониэль, пропустивший мимо себя конницу, вернулся на дорогу и остановил надвигавшихся на Ломпатри солдат. Нуониэль кинулся на врагов, не имея к этому, по мнению обычных людей, никаких мотивов. Нуониэль мог бы просто отсидеться в высокой траве, или же пуститься наутёк. Но для Ломпатри мотивы нуониэля являлись очевидными. Однако важнее мотивов для рыцаря оказались выводы об этом существе. Белому Единорогу стало ясно и то чувство, которое зародилось в нём в мгновение, когда Гастий стал называть нуониэля тварью. Воин, который стоит один против всех, не тварь. Твари те, кто гурьбой идут на одного.

Ломпатри пытался сосредоточиться на сражении, но нуониэль не переставал забирать всё внимание на себя. Этот худощавый мужчина, которого впору бы назвать старичком, плотно ввязался в дело с вирфалийцами. Кое-кто из них уже глотал пыль, ползая на четвереньках, а этот лихой малый с веточками вместо волос даже не обнажил меча. Он бил наотмашь сжороненным в берестяные ножны оружием. Двигался нуониэль со скоростью пятнадцатилетнего юнца, не отяжелённого гнетущим доспехом. Удары сыпались на вирфалийцев один за другим, а враги ничего не могли поделать. Кто-то падал, некоторые отступили и не решались подойти ближе. Остальным попадало, причём так сильно, что бедняги теряли равновесие не в силах даже стонать от боли. Один из вирфалийцев, сам того, видимо, не ожидая, парировал удар нуониэля, разрубив его ножны пополам. Нижняя часть ножен упала, обнажив половину тонкого, изогнутого клинка. Нуониэль снял и верхнюю часть, выставив перед собой оголённый клинок. И пусть его оружие оказалось тоньше булатных мечей вирфалийцев – острый предмет в руках искусного воина заставил противников не мешкая отпрыгнуть назад на несколько шагов.

– Десять золотых за его голову! – заорал Гастий и метнул в нуониэля копьём. Ни один мускул на теле нуониэля не дрогнул, пока копье летело на него. Оно вонзилось в землю позади сказочного существа, а тот как знал, что зловещее оружие его не коснётся. К этому моменту Ломпатри подоспел к нуониэлю и закрыл его щитом от пик всадников, снова налетевших на полной скорости. Пехота тоже поднажала, и всё смешалось в беспорядочную кучу мяса, пота, стали, крови, копыт и грив. Теперь стало не до удивлений и восхищений. Сноровка нуониэля мало занимала не только Ломпатри, но и остальных участников битвы. Каждый думал только о том, как бы не умереть. Все защищались от ударов, пытались отстраниться от общей кучи и в то же время не оказаться слишком далеко от неё, чтобы не прослыть трусом. Сражались уже не Ломпатри с нуониэлем против вирфалийцев, а желание выжить против страха порицания за нерасторопность. Кто-то не выдерживал этого накала внутри себя и приходил в бешенство. Тогда его сразу же пронзал клинок нуониэля или разрубал увесистый рыцарский меч. Другие сами кидались на неистовую парочку, в надежде получить такой удар, который бы все увидели, но который бы не сразил их насмерть. В этом случае они могли бы спокойно упасть наземь и отползти дальше от сражения под предлогом ранения. Самые опытные из вирфалийцев работали парами или группами по три, по четыре человека. Они окружали врага, били одновре-

менно и успешно теснили противника. Но когда казалось, что вирфалийцы возьмут числом, Ломпатри издавал свой боевой клич «Атария, бой!» и, прикрывшись щитом, устремлялся на врагов, перенося очаг битвы в совершенно новое место. Вновь лилась кровь, но в итоге слаженные действия вирфалийцев опять не давали рыцарю надежды на победу. Тогда нуониэль как будто расплылся пуще прежнего и, двигаясь неимоверно быстро, разил врагов. В эти мгновения его меч походил на вспышки молнии: он сверкал сначала в одном месте, а затем в другом. Скорость клинка была столь стремительна, что кровь врагов не успевала на нём запекаться. Но на место поверженных тут же вставали новые. Оказавшиеся на земле всадники умирали, но откуда ни возмись снова и снова налетали с копьями наперевес лихие наездники. Иногда битве мешали тела павших воинов или коней. Тогда всё затихало, нуониэль и Ломпатри переходили на новое место, а вирфалийцы следовали за ними. Как только под ногами больше не было убитых коней и людей, бой разгорался с новой силой. Так драка, которую можно без преувеличения назвать сражением, плавно переходила с места на место, оставляя за собой кровавый след.

Оказавшись снова там, где и началась заварушка, нуониэль разделался с очередным пешим воином и схватил то копьё, которое давеча метнул в него Гастий. Он вырвал древковое оружие из земли и вонзил в налетевшего на него всадника. Конь поскакал дальше, а всадник, нанизанный на копьё, вылетел из седла и рухнул наземь. Нуониэль вновь освободил окровавленное копьё, отмахнулся им от приблизившихся к нему врагов, развернулся и резко метнул копьё прямо в Гастия. Бросок копья не в находящихся поблизости врагов, а в того, кто стоял поодаль, оказался столь неожиданным, что почти никто не успел этого заметить. Длинное копьё угодило прямоком в лицо лысому рыцарю. Гастий слетел с коня и бездыханным телом пал на дорогу. Его счетовод Кирки что-то кричал своим, удаляясь от перекрёстка. Те, кто ещё оставались верхом, потянулись ему вослед. Пешие воины стали потихоньку отступать от разъярённого Ломпатри. Группа из трёх особо опытных бойцов всё ещё кружилась подле нуониэля. Ломпатри заметил, как кое-кто из вирфалийцев кинулся на тех двух стариков, которые сопровождали сказочное существо. Старики беспомощно сидели у своего сундука, опрокинутого на обочине дороги. Там же Ломпатри увидел и Закича, который со своим нелепым копьём пытался защитить стариков от двух вирфалийцев. Ломпатри хотел помочь своему коневоду, как тут ему по щиту ударила пара стрел: трое конных лучников, спешившись, взяли рыцаря на прицел. Ломпатри хотел окликнуть нуониэля, который находился ближе к сундуку, но как его окликнуть, когда не знаешь имени? В этот момент Закич упал. Ломпатри чётко различил, как один из вирфалийцев прокалывает бедного старика, отползающего от дороги. Прикрывшись щитом, рыцарь ринулся на помощь. Мимо засвистели стрелы; щит вновь поймал одну, отдавая глухим ударом в левую руку. Не рассчитав сил, Ломпатри споткнулся о мёртвое тело и оказался на своём щите прямо там, где нуониэль расправлялся с упрямой троицей. Меча у сказочного существа почему-то не было, и он, подняв с земли половину чьего-то расколотого щита, атаковал первого противника. Удар усиленной кромкой по шлему оглушил воина. Второй резкий удар той же кромкой по шее, перебил несчастному горло. В это время на нуониэля сзади напал второй. Ломпатри хотел встать, но все его движения вдруг оказались ужасно медленными. К тому моменту как рыцарь привстал на одно колено, нуониэль уже успел поймать удар врага, вывернуть ему руку, отобрать меч и заколоть наглеца этим же мечом. Вынув меч из тела, он отбил атаку последнего врага и сразу же отрубил ему голову. Не останавливаясь ни на миг, сказочное существо метнуло меч в сторону сундука на колёсиках. Тот негодяй, что уже занёс оружие над Закичем вскрикнул от боли: меч вонзился ему в бок. Всё это произошло в долю секунды, и события эти рыцарь лишь после смог воссоздать в своей голове. Тогда, нуониэль со скоростью недоступной обычному человеку сразил трёх вооружённых противников, и затем ещё одного, находящегося поодаль. В тот же самый миг, он странно изогнулся и прильнул к Ломпатри. Деревянные волосы существа упали на глаза рыцаря. Раздался странный

звук, похожий на разрывание какой-то плотной материи. Брызнула кровь. Тело нуониэля вдруг всей тяжестью опустилось на Ломпатри.

Когда Ломпатри поднялся с земли, у его ног лежал нуониэль, со стрелой в шее. Сказочное существо шевелилось, но движения эти не имели смысла. Кровь тонкой струёй пульсировала из горла. Лучники вновь накладывали стрелы на тетиву, а тот последний пеший вирфалийский воин, что находился у телеги, проводил мечом по горлу дёргающегося от боли спутника нуониэля. Отдавшись целиком жажде крови, Ломпатри кинулся к вороному коню, который стоял тут же рядом над телом убитого всадника. И вот в руках рыцаря кавалерийская пика. Он гонит коня на лучников, которые спешно прекращают стрельбу и садятся в седло. Теперь им не до луков; на них смотрит острый наконечник пики, столь же разъярённый, как и рыцарь, направляющий его. Пусть у рыцаря чужая пика и чужой конь; натиск атарийца столь силен, что земля стонет от поступи взмыленного животного. Но вот лучники рассеяны, и наконечник пики поворачивается к сундуку нуониэля, подле которого остался ещё один враг. Не проходит и мгновения, как кожаная броня вирфалийского воина лопается. Железное остриё проходит дублёную кожу, ткань, пот, живую плоть и касается горячего, пульсирующего кровью мяса. Теперь не воля человека, а торчащая из спины деревянная палка разворачивает агонизирующее тело, подкашивает ему ноги, роняет и тянет по высокой траве куда-то в сторону. Раскурочив внутренности, наконечник пики выходит из бездыханного тела и снова летит впереди вороного коня над осенними травами, туда, где мелькают фигурки удаляющихся конных лучников.

Топот копыт затих, и перекрёсток вновь услышал шелест высокой придорожной травы. Закич, не имея понятия, что происходит вокруг, подполз к своему копыю, схватил его обеими руками и вскочил, готовый отразить нападение. Он повернулся сначала в одну сторону, потом в другую, но врагов было не видать.

– Батюшки свет! – послышался голос Воськи.

Закич оглянулся и увидел, как старый слуга спешит к нему, переступая или обходя тела поверженных вирфалийцев.

– Батюшки свет! – всё повторял и повторял Воська. – Как же оно так-то?

Коневод кинулся навстречу рыцарскому слуге, с опаской поглядывая на каждый труп, который встречался ему на пути. Увидев шевеление сказочного существа, Закич подбежал к нему, склонился над зелёным плащом и ужаснулся. Жизнь всё ещё не покинула невероятное создание, но смерть подступила так близко, что противиться ей казалось невыносимо. Так бы Закич с Воськой и стояли, глядя на умирающего, если бы вновь не послышалась тяжёлая конная поступь.

Ломпатри подъехал к перекрёстку, выбросил пику и тут же метнулся к нуониэлю.

– Что стоишь? – рывкнул он на Закича. – Неси свои вещи! Делай дело!

Закич не понимал, что ему надо делать, потому что считал рану смертельной. Говорить об этом он не хотел, полагая, что нуониэль вот-вот умрёт и всё станет ясно само собой. Но нуониэль всё не умирал.

– Неси! – орал Ломпатри, держа в руках трясущуюся голову сказочного существа. Воська кинулся к телеге и притащил инструменты Закича. Коневод медленно принял их и нехотя склонился над нуониэлем. Рыцарь продолжал ругаться и бранить Закича за медлительность. Коневод же, считающий, что это непременно закончится в ближайшее время, старался делать всё медленно, просто потому, что ему казалось глупым совершать бессмысленные врачевания. Только вот нуониэль всё ещё оставался живым. И чем дольше это длилось, тем яснее Ломпатри понимал, что стрела эта принадлежала ему, а нуониэль принял её на себя.

– Он закрыл меня собой, – сказал рыцарь. – Он видел ту стрелу. Он знал!

Воське и Закичу эти слова не помогли. С каждым мигмом слуга страшился непонятого существа сильнее и сильнее. А Закич нехотя врачевал, как умел врачевать скотину, и убеждал

себя в том, что смерть неизбежна. Шли минуты, казавшиеся днями, но сказочное сердце продолжало биться.

Глава 15 «Белый Саван»

– Господин нуониэль! – кричал Ломпатри, выхватывая щит из рук Воськи.

– Меня зовут Тимбер Линггер, – ответило сказочное существо. Его голос прозвучал тихо, но рыцарь и остальные путники чётко различил каждое слово. Взоры, прикованные к двери, в которую уже ломались разбойники, перенесли на нуониэля. Компания увидела, что теперь с ними не потерянный член отряда, страдающий от тяжёлого ранения, а некто целостный, полный жизни и мудрости. Нуониэль пронзительным взглядом окинул окружавших. Каждый почувствовал, что это новое, непонятное существо таит в глубинах своей души колоссальную энергию. Но была ли эта энергия всеразрушающей ненавистью или наоборот созидующим милосердием, понять оказалось невозможно.

Подпорка двери треснула и внутрь вломилась толпа разбойников: около двух дюжин. Всё тот же кожаный доспех, подбитый мехом, снятые с королевской пехоты шлемы, грубо-выкованные мечи, щиты разных мастей, палицы, топоры и булавы. Среди них выделялся верзила с короткими чёрными волосами. Этот самоуверенный наглец расхаживал без шлема и щита. Оружием ему служила огромная кувалда.

– Ку-ку! – расплываясь в тупой улыбке, сказал верзила.

Тут же к нему подбежал Акош. Он торопливо заговорил, нарочито горбя спину глядя на этого крупного человека заискивающим взглядом.

– Вон тот рыцарь, – сказал Акош, указывая на Ломпатри. – А я Акош из дозорного отряда. Паршивец отрезал мне пальцы и взял в плен. Я никого не выдал. Задайте им жару, парни. Ну а когда разберётесь, я отрублю этому гаду все пальцы. По одному!

Затем Акош протиснулся сквозь толпу к выходу и исчез в солнечном свете, отражавшемся от слепящего снега. Верзила в недоумении проводил Акоша глазами, а затем устремил взор на Ломпатри. Но тут вперёд вышел Тимбер Линггер. Его деревянные волосы привлекли внимание толпы. Самого верзилу ошарашило не столько то, что перед ним не человек, а то, что какой-то наглец посмел не испугаться его.

– Вам нужен этот, – хриплым голосом сказал Тимбер и указал на Ломпатри. – Я и ещё один не с ним. Дайте нам уйти, и останетесь живы. До остальных мне нет дела.

– Ого! – удивился верзила. Глупая улыбка так и не покинула его щекастого, румяного лица. – Мужик, ты волосы вообще моешь?

Тимбер вытащил из-за пояса меч в берестяных ножнах. Ломпатри, Закич и Воська с опаской сделали несколько шагов назад. Верзила заметил это и смекнул, что нуониэль схватился за нечто очень грозное, что пугает даже тех, кто находится на его стороне.

– У меня нет времени на разговоры, – снова прохрипел Тимбер и обнажил острый меч. – Я ухожу.

Верзила поднял свою кувалду и ринулся на Тимбера. В последний момент нуониэль сделал лёгкий шаг в сторону, и кувалда с грохотом врезалась в земляной пол. Тимбер Линггер ударил верзилу в лицо навершием меча. И хоть навершие выглядело как хрупкое украшение в виде красноватого камня, оно не сломалось, а оставило на скуле бандита приличную кровавую рану. Затем нуониэль нанёс ещё несколько ударов, схватил верзилу за шею и повернул ему голову так, что бедняга скрутился нелепейшим образом и откатился в угол. Со стороны показалось, что худощавый Тимбер отшвырнул огромного мужика как соломинку. Но на самом деле это сам верзила, чтобы Тимбер не сломал ему шею, сделал неловкое движение и покатился кубарем. Сидя на полу без своей кувалды, разъярённый верзила вынул из-за пояса кинжал в виде полумесяца и заорал:

– Убить всех! Что стоите?

Разбойники кинулись на путников. Нуониэль рванул в сторону. Перед тем, как на него налетели бандиты, он успел врезать подошвой своего красного сапога верзиле промеж глаз. Тут же на Тимбера напали двое. Один ещё только доставал из-за пояса топор, а другой, мешкал, глядя то на нуониэля, то на своего предводителя. Тимбер воспользовался этим, схватил его за руку, ударил наверху мечом в висок и забрал булаву. От удара бандит упал. Нуониэль кинул неотёсанной булавой во второго. Тот поднял руки, чтобы прикрыться. За то мгновение, пока расторопный воин ничего не видел перед собой, Тимбер Линггер оказался рядом с ним и несколькими ударами кулаком, сжимающим рукоять меча, свалил несчастного с ног. Сказочное существо казалось неуязвимым, двигалось легко и било наповал противников, явно крупнее и на много лет моложе, если конечно возраст нуониэлей можно сопоставить с возрастом людей.

На другой стороне «звёздной наблюдальни» драка тоже шла полным ходом. Здесь с непрошеными гостями бились Ломпатри и Навой. Воська забился в угол и, испуганный до смерти, наблюдал за господином. Слуга знал – лучше не лезть в самое пекло; чтобы не отвлекать хозяина. Ведь если рыцарь начнёт выручать своего слугу, то может пропустить удар врага и погибнуть. В опасные моменты Воська волшебным образом забывал о выборочном благородстве благородных господ и верил только в то, что, если его самого будут резать – хозяин обязательно придёт на помощь и всё будет в порядке.

Лорни, вооружённый только маленьким ножом, спрятанным в сапоге, крутился возле дальнотра и не решался вступить в бой. Но после того как Ломпатри одолел одного из бандитов, и швырнул скитальцу кистень, которым работал этот поверженный бандит, Лорни встал плечом к плечу с рыцарем и Навоем. Основной ударной силой, конечно же, был Ломпатри. Но опытный солдат с одной стороны и юркий человек из леса с другой, делали своё дело: прикрыли рыцаря с флангов. Ломпатри вёл бой медленно, не кидался на врагов в открытую. Бандиты вертелись вокруг, методично загоняя рыцаря и его друзей в угол. Но если только один из врагов подходил слишком близко или же решался атаковать, на пути его удара оказывался мощный щит. Разбойничье оружие отскакивало от изображения белого единорога как горошины от каменной стены. После таких выпадов противника, рыцарь открывался и рубил со всех сил сияющим мечом, который очень скоро побагровел. И всё же врагов оказалось слишком много, и вскоре стойкая троица коснулась спинами стен. В этот момент бандитам стоило всего лишь кинуться вместе на загнанного зверя. Тогда победа оказалась бы у них в руках. Но верзилу, который мог бы отдать такой приказ, в этот момент занимали совсем другие проблемы. От удара красного сапога голова трещала, как старый дуб в штормящую погоду. Дотянувшись до своей кувалды, верзила-предводитель подавил этот страшный гул в голове и поднялся на ноги. Его отряд, если это вообще можно назвать отрядом, представлял жуткое зрелище. Часть людей теснила рыцаря, и эта часть оставалась единственной боеспособной из всего, что изначально вошло в «звёздную наблюдальню». Остальное выглядело хуже, чем выглядят продажные девки в придорожном кружале: кто-то полз по полу, не соображая, что с ним произошло, другие стонали в лужах крови, схватившись за открытые раны, прочие уже отошли в лучший мир. Некоторые бесцельно металась туда-сюда, подбирая чужое оружие. Самые отчаянные всё ещё кидались на нуониэля, стоявшего на одном месте и крушившего весь этот сброд. Счастливым доставалось от сказочного существа либо кулаком, либо сапогом, либо красивым наверху изогнутого меча. Одного Тимбер ударил берестяными ножнами, которые тут же размотались, превратившись в разрозненные полоски бересты. Тех, кому удача не улыбалась, нуониэль хлестал наотмашь острым клинком. Они падали ещё живыми, и умирали с ужасом в глазах, наблюдая как смертельная рана, оставленная острым как бритва мечом, медленно открывается, лишая тело крови и внутренностей. Верзила, сообразив, что дело дрянь, решился на отчаянный ход. Он собрал человек шесть и плотной группой навалился на нуониэля. Приказав «рубить», он занёс свою кувалду над головой. Тимбер Линггер опустил меч и чуть при-

поднял левую руку, делая жест, похожий на тот, который делают перед рассёдланной лошадью, когда она начинает двигаться вперёд, и её требуется остановить. При этом меч нуониэль держал крепко, так, чтобы все нападающие его видели. Со стороны казалось, что каждый из бандитов может в любой момент нанести смертельный удар по Тимберу, который стоял достаточно спокойно, на прямых ногах и точно пропустил бы самый незамысловатый и заметный из ударов. Но на самом деле ни один из бандитов и даже верзила, который уже занёс над головой кувалду, не мог ударить нуониэля. Что-то непонятное и загадочное было в этом жесте левой руки. Как будто сказочное существо воздвигло невидимую стену между собой и нападавшими. Каждый из бандитов хотел ударить Тимбера, но не мог этого сделать, потому что всё никак не решался выбрать место, куда бить. Даже верзила, колошмативший всю жизнь сверху, колебался в правильности грядущего удара. Поза нуониэля напоминала позу лесной лани, которая уже услышала крадущегося охотника, наострила уши, но ещё не сорвалась с места и не поскакала вглубь леса. Верзиле казалось, что и нуониэль в следующее мгновение рванёт то ли вправо, то ли влево, определённо сдвинется с места, повернётся, выставит вперёд меч или же сделает замысловатый финт и нанесёт ответный удар. Такие же мысли зародились и в головах шестерых сподвижников главаря этой шайки: каждому мнилось, что, ударь он снизу, нуониэль отразит удар и хлестнёт своим тонким и острым мечом сверху. Ударь сверху, нуониэль отпрыгнет. Так они и стояли перед Тимбером Линггером, не в состоянии преодолеть эту волшебную невидимую стену собственных сомнений. Сам нуониэль спокойно восстанавливал дыхание. Обстановка накалялась. Крики и ляганье стали, доносившиеся от драки в другом углу «наблюдальни» превращали бездействие в невыносимую пытку. И вот, один из разбойников не выдержал, и понёсся стремглав на нуониэля, крича во всё горло и беспорядочно размахивая топором. Он побежал не потому, что нашёл у нуониэля лазейку, куда можно нанести удар, а потому что больше не мог выбирать правильный выпад и не мог бездействовать. Тимберу оставалось лишь сделать шаг вперёд и чуть поднять меч: разбойник сам напоролся на острый клинок животом и, в смертных муках, опустился на земляной пол, пытаясь ухватиться за грязный плащ сказочного существа.

Верзила заорал так, что у Воськи, наблюдавшего за всем из укрытия, заложило уши. Этим ором громила приказал кинуться на нуониэля всем разом. Безвольные разбойники, подстёгиваемые волей их главаря, повиновались. Слуга не понял, что произошло, дальше, но, через несколько мгновений, все они оказались мертвы. Что сделал нуониэль? Как он двигался? Кому нанёс первый удар? Воська видел всё, но так ничего и не смог различить и запомнить. Старый слуга побывал со своим господином не в одном сражении, видел множество схваток, поединков и неравных боёв, но никогда не оказывался свидетелем подобной виртуозности владения мечом, такой скорости и такой невозмутимости, какую демонстрировал нуониэль. За несколько секунд справится с пятью нападающими – это сродни тем историям, которые рассказывают друг другу плохие солдаты, которые только и умеют, что выдумывать сказки о невероятной, нечеловеческой силе, и травить их друг другу часами, лишь бы не тренироваться.

Враг повержен: Ломпатри с друзьями, воспользовавшиеся тем, что разбойников сбил с толку крик их предводителя, нанесли несколько устрашающих ударов по смешавшимся противникам. Строй разбился и рыцарю, с мощным щитом и добротным мечом, цена которого выше, чем цена всех деревень в Дербенах, не составило труда добить оставшихся подлецов с их топориками, палицами и прочим нелепым, худым вооружением. Тимбер Линггер спокойно подошёл к верзиле. Тот всё так же стоял с поднятой над головой кувалдой. Ударом наотмашь он разрубил ему кожаный доспех от подмышки до подмышки, оставив на теле глубокую рану. Верзила упал и скрючился в агонии. Нуониэль пнул его своим красным сапогом в плечо, и бедолага перевернулся на спину. Кожаная броня, разрубленная в верхней части, открылась как крышка сундука, обнажив потный, волосатый торс, залитый кровью. Длинная рана над грудью пульсировала всё новыми порциями горячей крови. Разбойника трясло, и капли попадали ему

в рот и глаза. Каким-то невероятным усилием воли этот поверженный человек дотянулся до лежавшего рядом изогнутого в полумесяц кинжала. Казалось, он сейчас соберёт в кулак свои последние силы и ударит клинком по красному сапогу, которым Тимбер Линггер надавил ему на окровавленный живот. Но рука разбойника медленно подняла клинок и коснулась остриём своей груди. Не в силах сказать и слова, разбойник лишь смотрел в глаза нуониэлю, моля о быстрой смерти. Тимбер понял, чего хотел от него этот человек и со всей силы наступил на клинок. Грубое остриё короткого оружия пробило грудину. Умиравший зашипел. В горле у него забурлила кровь. Попытавшись вдохнуть, громила захлебнулся и мгновенно замер, отойдя в мир иной.

Воська выбрался из укрытия. Хлопая руками по бокам, словно курица, он осторожно ступал меж телами, сетуя на кошмарный вид и приговаривая: «что же это такое делается!» Навой направился к выходу. По пути старый солдат наткнулся на одного раненого бандита, который пытался куда-то ползти. Не придавая этому особого значения, Навой всадил ему свой топорик чуть ниже затылка. Вынув оружие из тупа, он окинул взглядом помещение, выскивая тех, кто ещё не совсем умер. Приметив такого, он подошёл к нему и проделал то же самое. Ещё одного, который лежал на спине, Навой без особых церемоний перевернул и снова засадил топор по позвоночнику в месте, где он входит в голову. Воська, каждый раз, как Навой добивал врага, вскрикивал что-то вроде «упаси тебя свет» или «светлого тебе пути».

– Конец ваш достоин бытия вашего, – буркнул Ломпатри, услышав, как Воська причитает о разбойниках. Рыцарь стоял среди тел и счищал кровь с меча. Ломпатри даже не повёл взглядом, пока Навой добивал раненых. Лорни же напротив, с выпученными глазами следил за действиями старого солдата. Весь ужас происходящего умещался в этих больших глазах, не видевших прежде подобной жестокости. Возможно, этот человек леса и встречал на своём пути, растерзанные волками туши оленей или же разорённые рысьями гнёзда куропадок, но то дела природы, живущей по своим законам, а здесь, люди, умеющие говорить, толковать и договариваться, устроили кровавую баню. И, казалось, когда всё уже позади и крови достаточно, находится один, кто вновь лишает жизни. И кого? Тех, кто испытывает невероятную боль, кто сражён, напуган, слаб и желает только этой самой жизни – видеть солнце, дышать и просто жить, жить, жить безо всяких прочих вождлений и стремлений. Им несли смерть без сожаления, без ненависти, а просто так, с наипрощайшим равнодушием; оскорбляющим саму идею жизни скучным безмолвием. И если взгляд Лорни отражал весь ужас этого равнодушия, то взгляд Тимбера Линггера оказался ещё красноречивей и страшней. Нет, старый нуониэль, который теперь помнил всё, смотрел на эти, необходимые по мнению Навоя и рыцаря убийства, как на свидетельство чего-то такого, о чём он подозревал всю жизнь. Ломпатри предполагал, что нуониэль бывал во многих краях и встречался с различными людьми. Тогда, на перекрёстке, за несколько минут до ранения в шею, нуониэль смотрел на рыцаря глазами благородного существа, знающего цену слову и делу. Теперь этот взгляд горел новым светом, выявляющим глубины снисходительного благородства. Ломпатри невольно задумался над тем, над чем стоило ломать голову с самого начала их совместной истории: что же отличает нуониэлей от людей? Неужели только веточки, теряющие по осени листву, как всякое дерево? Из-за этого ли подобных нуониэлю разыскивают, предадут сомнительному суду и казнят на площадях перед очами жадных до чужой крови людей? Есть ли такие казни в краю нуониэлей? Лишают ли жизни людей на тамошних площадях? И зачем людям убивать тех, кто не являются людьми? Не ради того ли, чтобы манифестировать свою исключительность? Чтобы дать самим себе право господ, а у прочих забрать возможность решать даже их собственную судьбу? Подумав об этом, рыцарю показалось, что в душе нуониэля таится невероятное отвращение, которое он так пытается скрыть этим невозмутимым, но столь красноречивым взглядом. И отвращение это касалось не того, что делал Навой, а того, почему он это делал. Они враги, они пытались убить всех, кто шёл с рыцарем. Оставлять их раненых здесь, на вершине горы, среди снегов, холода, без

еды – сомнительное человеколюбие, и вправду. Но разве существовал иной выход? А если нет, то зачем лишние слова и пустые вздохи, наподобие тех, которыми заливался глупый Воська? Зачем ужас, который стоит в глазах Лорни? И что бы стал делать Закич, будь он здесь? Можно дать голову на отсечение, что коневод бросился бы к первому увиденному раненому и попытался остановить кровь, стянуть рану, облегчить страдания. Ломпатри знал, что в этом случае, он бы не одобрил действий Закича и стал бы ругать его за трату времени и сил на тех, кто не стоит этого. Так бы оно и случилось, но, возможно, нуониэль не смотрел бы с таким отвращением, был бы рядом Закич.

– Запутались, – проговорил тихонько Ломпатри, погружённый в тяжёлые думы. – Как же мы запутались, Илиана!

Рыцарь собрал себя в кулак и ещё раз посмотрел в глаза спутников. Каждый взгляд отличался от другого. Теперь враг повержен, но отряд оказался разбит.

– Ты! Идёшь со мной, – прошипел затихающим голосом Тимбер Линггер, обратившись к Лорни.

Лорни стоял неподвижно, глядя поочерёдно то на нуониэля, то на Ломпатри. Тимбер оторвал от одежд трупа кусок льняной рубахи и завернул в него свой меч.

– Не может быть! – воскликнул в этот момент Навой, стоявший у приоткрытой двери.

– Что там? – беспокойно спросил Ломпатри, подходя ближе.

– Только не это! – мотая головой, сказал Навой и отпрянул от двери. Старый солдат испуганно посмотрел на рыцаря так, что тот невольно остановился. Ужас в глазах того, кто только что без особых проблем делал самое неблагородное и грязное дело на свете, передался и Ломпатри. Воська и Лорни также уставились на приоткрытую дверь, представляя, что же за ужас кроется там. Только нуониэль, оставаясь всё таким же невозмутимым и решительным, широким шагом подошёл к выходу. Он распахнул дверь, и внутрь ворвался ослепительный солнечный свет. На небольшом отдалении от входа зияло яркое красное пятно. На этом кровавом пятне навзничь лежал Акош, а над ним возвышалась ражая фигура, облачённая в белый саван. Огромный человек неподвижно стоял на ветру и смотрел таким же холодным взглядом, как сам горный ветер. Этот большой человек носил странные на вид одежды – похожие на широкие пуховые одеяла, наброшенные на плечи праздным крестьянином, выбежавшим из бани в минуту веселья. Они тряслись и хлопали на пронизывающем ветру, но хорошо защищали своего владельца от жёсткой непогоды. Его голову венчал белый меховой капюшон, надвинутый на лоб так, что из-под него едва виднелись леденящие душу зрачки. В обеих руках он держал по широкому, длинному мечу. По тёмной варварийской стали одного из них уже стекала погустевшая на морозе кровь.

На снег ступил Тимбер Линггер. Взмахом меча нуониэль дал знак незнакомцу, чтобы тот ушёл с дороги. В ответ нуониэль получил лишь взгляд искоса. Затем Белый Саван стал разминать плечи, как дровосек перед деревом, которое собирается рубить. Нуониэль подошёл к Савану. Навой хотел кинуться вслед, но Ломпатри остановил старого солдата.

– Пусть он один, – шепнул рыцарь.

– Но это Белый Саван! – воскликнул Навой.

– Ты видел нуониэля в деле, – настаивал Ломпатри. – Я хочу узнать, насколько он хорош.

Последние слова Ломпатри сказал в сильном запале, и получилось так, что Тимбер услышал их. Нуониэль обернулся, и посмотрел прямо на Ломпатри. Рыцаря и спутников объял ужас: воспользовавшись тем, что нуониэль не видит его, Белый Саван ринулся в атаку. Нуониэль парировал удар, но чуть не пропустил следующий, который Белый Саван нанёс мечом, что держал левой рукой. С первых же секунд боя стало ясно, что этому незнакомцу абсолютно всё равно, в какой руке у него меч: левой рукой он сражался так же искусно, как и правой. Нанося удар за ударом, Саван потеснил нуониэля. Но Тимбер быстро сориентировался и стал контратаковать. Это уже не походило на то избиение, которое устроил нуониэль в «звёздной наблю-

дальне»; теперь сказочному существу попался достойный противник. Каждый удар Савана казался решающим. Нуониэль тоже разил верной рукой. Противники выбивались из сил, прыгали, наступали и откатывались назад, когда теряли равновесие, падали в снег. Иногда то один, то другой искренне удивлялись тому, как им удалось увернуться от очередного смертельного удара. Со временем они стали всё меньше и меньше атаковать, предпочитая держаться на расстоянии. Варвариец и сказочное существо бились не менее десяти минут. И вот, настал тот момент, когда силы покинули их. Теперь дело оставалось за одним движением, одним шагом, одним ударом. Мастерство перестало иметь какое-либо значение. Теперь исход битвы решал характер.

Переведя дух, нуониэль расправил плечи и выставил вперёд левую руку так, как он сделал это внутри «наблюдальни». Белый Саван скрестил оба меча над головой, приняв устрашающую боевую стойку.

– Я слышал про молодую школу боевого лада, – сказал Белый Саван со своим варварским акцентом. – Говорят, в полуденных землях она набирает силу.

– Эта школа уже не такая и молодая, – просипел нуониэль; его голос постепенно пропадал, а теперь, когда дыхание сбилось, слова стали еле понятны. – По-крайней мере, по вашим жалким людским меркам.

– Интересно, кто этот глупец, решивший, что его лад может сравниться с варварийским? Кому пришло в голову основывать новую школу, когда уже есть наша, непобедимая?

– Мне пришло! – ответил нуониэль и разразился кашлем. Невольно он поднёс левую руку ко рту, чтобы сдержать спазм. В это мгновение Белый Саван сделал выпад. Нуониэль отпрянул назад и снова выставил руку перед собой. Противник испугался этого, на первый взгляд, безобидного движения. Он остановился и даже чуть не потерял равновесия. Наблюдавшие не сомневались, что так нуониэль возвёл непроходимую, невидимую волшебную стену. Как обстояло на самом деле – сложно сказать. Но Белый Саван, искушённый в битвах и несущий в себе ярость и мастерство своего рода, некогда разорившего всё Троецарствие, уничтожившего край песчаных холмов Имурад Гумэ и до сих пор терзающего набегами далёкую островную Илларию, остановился, не посмев приблизиться к сказочному существу.

Бездейственное противостояние двух мастеров длилось несколько минут. Белый Саван всё никак не мог восстановить дыхание. Его одежды пришли в негодность: во многих местах изогнутый меч нуониэля изрезал эти светлые балахоны. Тимбер Линггер держался бодро. Однако по порезам на кистях, поломанным веточкам-волосам, ссадине на скуле, полученной от падения на скрытые под снегом камни, спутники нуониэля понимали, что бой потрепал и этого мастера меча.

Следующие три секунды оказались решающими. Нуониэль опустил левую руку. Ломпатри подумал, что сейчас Белый Саван может нанести серию своих ударов, ведь нуониэль даже не принял боевой позы, а потому не сможет быстро отскочить. «А если это уловка?» – подумал Ломпатри. Но мысль эта пришла ему уже после того, как нуониэль сам ринулся вперёд. Рыцарь, помня искусную победу сказочного существа на перекрёстке, тут же понял, что Тимбер Линггер выбрал для атаки именно тот момент, когда Белый Саван приготовился к нападению, но всё ещё сомневался в намерениях нуониэля. Это оказался тот идеальный момент, когда Белый Саван ещё не решил ни нападать, ни отбиваться. Взмахнув мечом, нуониэль оставил на левой руке варварийца глубокую рану. Противник потерял один из своих мечей, но это уже не играло роли: Тимбер Линггер, как хлыстом, огрел Белого Савана по ногам и спине, оставив разрезы в одеяниях, откуда хлынула бурая кровь.

– Стойте! – закричал Ломпатри. – Не убивайте его, господин!

Рыцарь подбежал к упавшему навзничь варварийцу. Навой последовал за своим предводителем. Старый солдат подобрал со снега тёмные мечи и направил их на раненого, боясь, что тот ещё полон сил и лишь претворяется. А вдруг он внезапно подпрыгнет и всех убьёт?

Белый Саван еле дышал. Ломпатри связал ему руки за спиной и поставил на колени. Поверженного нуониэлем приходилось поддерживать, чтобы не упал – так быстро слабело его некогда сильное тело.

– Кто ты? – начал допрос рыцарь. Ответа не последовало. Воська испугался, что хозяин снова начнёт бить раненого пленного. Но этого не произошло.

Невозмутимый Тимбер Линггер обернул тряпьём свой причудливый меч, схватил Лорни за плечо и потащил скитальца прочь от «наблюдальни», туда, где начиналась тропа, ведущая к пещере и ниже, в долину. Ломпатри прекратил допрос и устался на уходящих.

– Господин нуониэль, опомнитесь, – окликнул его Ломпатри, не скрывавший отчаяния. – Как можете вы покидать нас теперь?

– Когда мы встретились, – тихо прошипел Тимбер, остановившись на полпути от «наблюдальни» до горной тропы, – Ты хотел, чтобы я следовал за тобою против воли. Тогда ты добился своего, но теперь – всё иное.

Нуониэль даже не говорил, а лишь шептал, пытаясь ткать горлом звуки из выдыхаемого воздуха, но Ломпатри, в стоящей морозной тишине, хорошо его слышал. Рыцарь оставил Белого Савана Навою, а сам пошёл за Тимбером.

– Господин нуониэль, это совершенно не так, – сказал рыцарь. – И вы прекрасно знаете, что мои люди выходили вас. Да, возможно в самом начале наши помысли были нечисты, но этому быстро пришёл конец. Всё в прошлом! И вам ли не знать об этом?

– Я знаю людей, – шептал Тимбер Линггер, – вы живёте ради придуманных идей. Сражаетесь, умираете, убиваете. Если в ваши нецветущие головы придёт идея устроить город там, где растёт лес – вы вырубите все деревья. Ты же, господин с мечом, вбил себе в голову идею о том, что благороден, однако поступаешь только так, как велит тебе расчётливый ум. Ты думаешь о благородстве, но не веришь в него. И коль это так, то я не вижу причин тебе держать при себе старого нуониэля.

Повисла пауза. Навой всё так же не спускал глаз с пленного, который был уже ни жив, ни мёртв. Воська стоял у входа в «наблюдальню» и дрожал от страха: слуга знал: если слово «благородство» произносит кто-то не из рыцарского сословия – добром дело никогда не кончается. Лорни, которого нуониэль уже не держал за рукав, глядел то на Тимбера, то на Ломпатри и что-то отчаянно соображал. Скиталец будто бы каждую секунду открывал для себя нечто тайное, какую-то древнюю правду, сокрытую от него туманами лет.

– Видишь, рыцарь, – продолжил Тимбер Линггер. – Я усомнился в твоей благородности, а ты меня не убил. Я помню, как ты кидался на людей и за меньшее. Выходит, ты служишь не благородству, а другой идее.

Тут нуониэль поднял руку и три раза постучал себе пальцем по виску, намекая на то, что рыцарь служит идее холодного расчёта и практического разума.

– Хорошо, вы мне нужны. Довольны? – спросил Ломпатри. – Вы нужны нам. В бою вы стоите дюжины королевских гвардейцев, а то и двух дюжин. Помогите нам освободить детей, и отправляйтесь, куда вздумается.

– Сказочное существо спасает детей тех, кто убивает сказочных существ, – заметил нуониэль, как бы размышляя вслух. – Помогать тем, кто истребляет мой род только за то, что мы не люди – глупо. Твоему отряду нужен кто-то, кто почитает идею мудрости. Пошли, скиталец.

Нуониэль зашагал вниз по склону, но Лорни продолжал стоять.

– Я не пойду! – решительно заявил он. – Хоть убей меня, а не пойду.

Тимбер Линггер остановился и удивлённо посмотрел на осмелевшего скитальца.

– Останешься с ним – умрёшь, – сказал нуониэль, кивнув на рыцаря. – Он умрёт, и ты умрёшь.

– Знаешь, нуониэль, или как там тебя – Тимбер, – продолжил Лорни. – Когда ты ничего не помнил, ты мне больше нравился. Хочешь бросить нас? Хорошо! Иди по своим делам.

– Я делаю то, что должен делать, и при этом не рассказываю о благородстве, – ответил нуониэль совсем тихо, так, что только Лорни расслышал его слова.

– Воська мне всё рассказал, – продолжил скиталец. – Когда ваш коневод Закич остался помогать нашим в Степках, рыцари уехали. Но когда ты решил остаться, они повернули своих коней вспять. И если это не благородство, а совершение того, что должно совершать, почему тогда в беспамятстве для тебя это было важно, а теперь, когда ты – это самый настоящий и полный ты – всё спасение детей больше не имеет никакого значения? Почему, когда ты был как ребёнок – спасти детей казалось тебе самим собой разумеющимся? Почему теперь, когда ты снова помнишь все те годы, что прожил – заступаться за обездоленных, стало тебе вдруг не по нутру?

– Ты задал очень много вопросов, – прохрипел Тимбер. – У нас – нуониэлей – задавать вопросы считается дурным... Кхе-кхе!

– Ха-ха! – рассмеялся Лорни. – Может, это оттого, что вам плевать друг на друга? Если вы к своим сородичам так относитесь, то, что проку нам людям требовать помощи от такого, как ты?

Нуониэль кинулся на Лорни, но остановился прямо перед ним, почти касаясь его лица своим носом. На скитальца смотрели полные ненависти глаза, а сквозь бороду, Лорни почувствовал тяжёлое дыхание сказочного существа. Однако нуониэль ничего не ответил на едкое замечание, а лишь отвернулся и молча зашагал прочь. Сделав несколько шагов, Тимбер Линггер снова обернулся, поднял руку, указал пальцем на Лорни и хотел ответить что-то грозное на обидные слова, но опять промолчал. Нуониэль надулся, как петух и стал топтаться на одном месте, оглядываясь по сторонам так, будто искал тут на снегу те самые слова, которыми бы он заткнул рот этому негодяю, осмелившемуся оскорбить род нуониэлей и лично самого Тимбера. Но нужных слов на снегу не оказалось. Нуониэль вдруг замер, сделал глубокий выдох и опустил плечи так, как опускают их уставшие подневольные труженики, после тяжёлой батражной работы. Черты лица смягчились, а затем и вовсе образ нуониэля стал таким, каким был раньше – грустным и потерянным. Наверное, нуониэль простоял бы так ещё очень долго. Первым к нему приблизился Воська. Слуга подкрался к нуониэлю мелкими шажками и тихо спросил:

– Вы снова не можете говорить, господин?

Нуониэль вопросительно посмотрел на старого слугу.

– Не расстраивайтесь, – сказал Воська и погладил Тимбера по плечу, – вы говорите мне, а я всё расскажу. Как раньше.

Несомненно, Тимбер Линггер повидал многое. На лице нуониэля отпечатались лишения и горе множества лет. Внешность его сполна отражала внутренний мир. И, конечно же, сухая, морщинистая кожа не могла принадлежать тому, кто не зачерствел душой. Всё же, поступок старого Воськи тронул нуониэля. Под сухими, выцветшими бровями из травинки вдруг блеснули увлажнившиеся слезами глаза. Тимбер отвернулся от старика. Он посмотрел на дербенскую долину. Там был Скол, древний храм, деревня Степки. Нуониэль смотрел на простор долго, не решаясь поворачиваться к спутникам: в глазах Тимбера ещё стояли слёзы. Окрустности и воспоминания с ними связанные, похоже, плохо помогали успокоиться. То, что он захотел сказать сейчас, могло бы изменить судьбу каждого в отряде.

– Я не согласен, – сказал вдруг Навой. – Это неправда. Почему господин нуониэль считает, что вы, господин Ломпатри, умрёте? Мы проделали долгий путь. Теперь мы знаем, где дети. Лорни хорошо знает Ельновки.

– А твоё полено умно, – засопел Белый Саван, обратив к Ломпатри своё окровавленное лицо. – Чует смерть.

– Кто тебя послал? – метнувшись к пленнику, спросил Ломпатри.

– Мне крышка, рыцарь, – отозвался тот – С чего мне отвечать на глупые вопросы?

– А с того, что внизу, в долине, у меня есть первоклассный лекарь. Он вытащил нуониэлю стрелу из горла. Если повезёт с погодой, будем там к вечеру. Вот теперь и думай, крышка тебе или нет.

– Если я расскажу всё, что знаю, зачем тебе тогда возиться со мною?

– Я дам слово рыцаря, что доставлю тебя к лекарю, – ответил Ломпатри.

– Ты? – удивился Белый Саван и закашлял кровью. – Ты умрёшь. Ты просто пешка, которая думает, что она ферзь. Ты даже не понимаешь, зачем Великий Господин забрал этих детей.

– А ты знаешь? В таком случае ты кто-то вроде воеводы у своего хозяина.

– Неплохо, для пешки, – пытаюсь улыбаться, отвечал Белый Саван. – Да, я тот, кого так испугался ваш рыцарь, сдавший форт.

– Он не тебя испугался, шавка, а твоего хозяина, – презренно кинул рыцарь и схватил Савана за подбородок. – Плохи же у него дела, раз посылает на грязную работу своего главного воеводу.

– Дурак, – отвечал Саван, брызгая кровью на руку Ломпатри. – Великий Господин не посылал меня; я пришёл убить тебя по своей воле.

– Что тебе обо мне известно? Отвечай! – разгневался Ломпатри.

– Когда-то ты командовал могучими войсками, а теперь не можешь справиться с крошечным отрядом. Он распадается у тебя на глазах, а ты ничего не в состоянии сделать. Ты даже не знаешь, кто в отряде следует за тобой, а кто тебя ведёт как овцу на убой, – ответил Саван.

Ломпатри оттолкнул от себя голову Савана, поднялся с колена и отошёл от пленного. Он уставился на «наблюдальню», не решаясь посмотреть на своих спутников. Навой и Лорни также опустил глаза. Воська, который стоял рядом с нуониэлем, с презрением посмотрел на рыцаря, потом на старого солдата и на скитальца.

– Уходите, господин Тимбер Линггер, – тихо шепнул Воська нуониэлю. – Сделайте то, что так и не смог сделать я.

Нуониэль, стоявший до этого не шевельнувшись, вдруг как проснулся. Он обнажил клинок и уверенным шагом подошёл к Савану. Взмахнув мечом так быстро, что ни Саван, ни Навой, державший его, ничего не успели понять, Тимбер пронзил пленного в том месте, где шея переходит в плечо. Удар получился такой стремительный и мощный, что изогнутый меч вошёл в тело по самую рукоять. Провернув клинок, Тимбер вынул меч. В лицо Навою брызнул бурый фонтан. Кровь попала в глаза и старый солдат, отпустив пленного, стал вытирать лицо. Тело Савана рухнуло в снег, багровеющий от разрастающейся лужи крови. Когда Ломпатри обернулся, всё было уже кончено.

– Я бы его разговорил! – сокрушаясь, сказал Ломпатри. В ответ Тимбер Линггер покачал головой.

– Просто отлично, господин нуониэль! – схватившись за голову, запричитал Ломпатри. Он хотел сказать или пожаловаться на что-то ещё, но тут Тимбер подошёл к нему вплотную и схватил за руку. Тут же к ним подбежал Воська и стал переводить то, что показывал жестами нуониэль.

– Командуйте отрядом, господин Ломпатри, – произнёс Воська, внимательно следя за рукой нуониэля и его выражением лица. – Или я расскажу вам, зачем это сделал.

Ломпатри, припомнил последние слова Савана о том, что кое-кто в отряде ведёт его на убой. Затем он глянул на труп.

– Нет, господин нуониэль, – ответил спокойно рыцарь. – Вам не надо объяснять мне, зачем вы это сделали. Хотя, было бы лучше, если бы это сделал Воська. Он у нас самый неопытный. Это спаяло бы наш отряд как ничто другое. Но всё же, вы поступили дальновидно. Вы убили скотину, которая считала, что у нас нет своей собственной воли. Вы убили бандита, решившего, что его белые одеяния испугают нас. Вы убили, возможно, правую руку

этого загадочного Великого Господина, который якобы в одиночку захватил форт, охраняемый тремя сотнями щитов. Теперь наш Великий Господин узнает, что Белому Единорогу неважно, сколько у него людей в отряде – он всё равно сделает то, что задумал.

Тут нуониэль снова стал делать знаки, указывая на рыцаря, сжимая кулак и шевеля двумя пальцами, как делают дети, когда показывают, как ходят люди.

– Вы, господин рыцарь, – продолжил перевод Воська, – не расслабляйтесь. Ведите нас вперёд, но помните, что я пока с вами, но всё же сам по себе.

Ломпатри внимательно выслушал слугу и широко улыбнулся.

– Скажите, господин Тимбер Линггер, ваша родина, видать, земля не очень обширная, – поинтересовался рыцарь.

Нуониэль замешкал, но всё же кивнул, подтвердив предположение Ломпатри.

– Это как раз потому, что у вас там каждый сам по себе, – весело пояснил рыцарь и похлопал нуониэля по груди.

Ломпатри тяжело вздохнул, встал руки в боки и оглядел своих людей. Воську и Лорни он направил вытащить тела из «наблюдальни» и скинуть в ущелье, край которого был неподалёку.

– А ты, солдат, – радостно обратился рыцарь к Навою, – возьми топорик и отруби-ка голову нашему Савану.

Глава 16 «Идрэнский владыка»

«Подрос ты, приятель, – думал Гвадемальд, глядя на раскидистый клён. – Никак не вспомнить, каких размеров ты был, когда я видел тебя в последний раз».

Старый рыцарь сидел на каменной скамейке во внутреннем дворике королевского дворца. Свои походные одежды, которые он носил, чтобы казаться ближе к черни, рыцарь оставил в казармах. Теперь он облачился в лёгкую церемониальную кирасу. Наручи, стальные брошки на сапогах и золотую цепь с рыцарским медальоном слуги заранее натёрли гвоздичным маслом, чтобы ни патина, ни ржавчина не опозорили Гвадемальда перед королём. На спине рыцаря был накинут белый плащ с золотой вышивкой по кайме. Эту шёлковую вещь рыцарь надевал всего несколько раз в жизни. Но, несмотря на это, он ежемесячно доставал её из сундука, проветривал, окуривал и складывал обратно, обернув в льняные полотна, мочёные в лавандной настойке. Теперь, сидя на скамейке, Гвадемальд аккуратно держал плащ-накидку в руках, чтобы не испачкать о замшелые камни.

Он ожидал дворецкого, который всё никак не приходил, чтобы проводить рыцаря во внутренние помещения, на встречу с королём Девандином. Гвадемальд не любил широкой парадной лестницы и предпочитал являться к его величеству через чёрный ход. Рыцарю казалось, что так он сможет придать своим отношениям с сюзереном особый дружеский оттенок. Хотя, по правде сказать, явиться к королю ему довелось всего-то раза три или четыре. Да и сам Девандин вряд ли знал, откуда к нему заходит Гвадемальд.

Появился дворецкий. К счастью, этот старик помнил редкого гостя. Долговязый человек с заострённой бородкой попросил обождать, и вновь исчез за одной из тяжёлых дубовых дверей.

«Странное место, – подумал Гвадемальд. – Булыжники дорожек выглядят такими старыми. Резные каменные скамейки пережили не одно поколение дворецких и прочих слуг. Каменные стены с бойницами и двери, стары настолько, что древесина, из которой они сделаны, уже давно превратилась в камень. А вон из той двери однажды вели пленника, закованного в кандалы. Тогда я не сидел на каменной скамейке, как старикан, а тревожно бродил под этим клёном в ожидании аудиенции. Эх, годы! Клён стоял, и я стоял, а теперь он продолжает стоять, а я уже сижу. Выходит, это не он – приятель мой – подрос, а я состарился».

Внутренний дворик королевского дворца – взаправду самое странное место в Вирфалии. Здесь располагался вход в темницу, и во внутренние покои короля. Ещё здесь были и другие особые двери к помещениям с особыми людьми. Здесь рос и великолепный клён правильной округлой формы. Ни один лесной клён, борющийся за солнечный свет с окружающими дере-

вьями, изворачивающийся и растущий туда, где больше света и простора, никогда не достигнет такой же идеальной формы. Однако ни один из вольных людей, для кого открыты поля и леса, никогда не ступит на булыжники этих правильных дорожек, выющихся между аккуратно-остриженных кустов. Хотя, иных преступников и проводили здесь, перед тем, как кинуть в глубокие и холодные подземелья. По этим булыжникам ходили и слуги, и рыцари и, уж скорее всего, сам король. Возможно, Девандин и является самым несвободным человеком в мире? Над этим двориком синее небо – протяни руку и коснись его! Тюрьма с открытыми дверьми, из которой невозможно выйти. И если с первого взгляда кажется, что клён идеальной формы и есть тот самый главный заключённый в этих нависших над двориком стенах, то со временем начинаешь понимать, что, возможно, он свободнее и вольнее всех прочих посетителей этого места. Свободнее самого короля, который не может убежать босиком в поле по вечерней росе, вздеть руки к небу и кричать «Воля! Воля!» до тех пор, пока не сорвёт голос, а потом кинуться танцевать под звёздами танец жизни, который танцуют все свободные существа во всех мирах только потому, что это единственное, что имеет смысл.

«Как же хорошо тебе здесь, – мысленно заговорил Гвадемальд с деревом. – Уже давно осень, а твои листья ещё не опали. Горят яркой желтизной и прочно держаться за ветки. Представляю, как ты пылаешь, когда из-за туч выглядывает солнце! Но даже ты, холёное дитя под присмотром, не сможешь избежать тюрьмы времени. Нет на твоих ветвях ни одного зелёного листа. Ты также неволен, как и все – приходит время, и ты обязан окрасить свою крону в жёлтый цвет. А наступит час, и не удержишь ты ни одного листочка. Так что не надо тут стоять и смотреть на меня как на ничтожество: мы ещё поглядим, кто из нас крепче».

Дворецкий провёл рыцаря Гвадемальда через одну из дверей в длинное помещение с низким потолком. Здесь царил тьма и сырость. Пахло копотью жировых горелок и псиной. В другом конце помещения чернела дверь, ведущая в большую залу. На хорах залы располагались большие окна, обеспечивающие обилие света. Но из-за этих окон тут гулял ветер, тело пробирало озноб. Залу заполняли ряды деревянных штативов для копий и мечей. На одном таком штативе хватало места для дюжины копий, но все штативы пустовали. Хорошо это или плохо, Гвадемальд не знал. Оружие роздано, значит в государстве достаточно воинов. Но оружие не на складах, а в руках, и, выходит, не только в Дербенах страх обрёл реальные формы. Дворецкий провёл рыцаря ещё через несколько коридоров и вот, ноги Гвадемальда уже ступали по мягкому ковру, привезённому в давние времена из далёкой южной земли Имурад Гумэ. Зеленоватый ковёр подобно лучу рассекал каменный коридор с массивными колоннами с одной стороны, и стеной, увешанной выцветшими гобеленами с другой. Дворецкий оставил Гвадемальда посередине этого длинного коридора, напротив резной двери. Учтиво извинившись, как это обычно делают придворные, старый дворецкий попросил обождать и исчез за колоннами.

Рыцарь остался один в тишине каменного коридора. В дальнем конце он заметил фигуру старика, обкуривавшего гобелены пучком сухих трав. Каждый раз, как старик дул, от тлеющих стебельков на древнюю ткань клубился белый дым, а моль, съевшая нижние кромки всех полотен, разлеталась по коридору и тут же исчезала, прыгая обратно в бледные узоры. Даже история, запечатлённая на гобеленах, чтобы пережить века, безжалостно пожирается жизнью – маленькими крылатыми гадиками, которых интересует только пища. От таких мыслей Гвадемальд почувствовал себя крошечным и совершенно бессильным существом.

Резные двери отворились, и показался тот самый старый дворецкий. Он пригласил Гвадемальда войти. Впереди рыцаря ждал небольшой, светлый зал с высокими окнами из стекла. Стёкла подобных размеров могли позволить себе только очень богатые люди, а сохранять комнату в тепле, когда в стенах такие большие окна – вообще только короли. Сами стены залы были выполнены из светлого камня, ровного, отполированного до блеска. Вдоль стен располагался ряд деревянных манекенов, облачённых в сияющие доспехи, а по углам расположились четыре массивные малахитовые ванны, украшенные живой зеленью и деревьями. Вода в ваннах плес-

калась ручейками, спадавшими с горок из булыжников. Приятное журчание ласкало слух. В зале горели два камина, но того отвратительного запаха костров, которым Гвадемальд был сыт по горло, рыцарь не ощущал. В центре помещения располагался огромный стол, заставленный жирными яствами и длинными свечами, горящими даже сейчас, когда и оконного света вполне хватало.

За столом сидел король Девандин – широкоплечий бородач с длинными русыми волосами. Гвадемальд повидал много длинноволосых, но ни у кого локона не светились такой чистотой и ухоженностью. Всё остальное в этом человеке было большое: и губы, и нос, и голова, и пальцы. С его плеч ниспадал дорогой кафтан, расшитый золотом, жемчугом и драгоценными камнями.

Как и любой правитель, коих в Эритании множество, Девандин слыл человеком непростым. Своевольный, храбрый, горячий и непредсказуемый Девандин часто одним словом ставил в тупик придворных, жрецов, магов и даже королей соседних земель. Некоторые за глаза называли его сумасшедшим, и они были недалеко от истины. Одним казалось, что он поступает верно, принимая те или иные решения, а другие считали, что хуже короля и быть не может. Но во всех решениях Девандина, сразу или же по прошествии времени, виделся мудрый расчёт и добрый умысел. Этот король славился тем, что никто никогда не знал, о чём именно он думает и как поведёт себя через мгновение. Иногда он выглядел усталым и отрешённым, и, казалось, не слышал, о чём ему докладывал приказчик. Но как только наставало время говорить, Девандин, начав речь степенно и тихо, заканчивал её криком и угрозами «отправить всех на плаху». А иногда, посреди пылкового спора с вассалами о расточительстве, король мог обратиться к кому-нибудь одному из них и тихо, с улыбкой на своих больших устах, изъявить желание посетить его провинцию и попробовать тамошнего эля. В подобные моменты, окружающие думали, что король потерял рассудок. И всё же со временем выяснялось, что каждое слово короля и каждая его интонация являлась уместной и необходимой. Вспылит король, и дела на местах, вдруг, начинают налаживаться. Обнимет Девандин сердечно владыку иной провинции, откуда давно не поступало в казну серьёзных средств, и, глядишь, начинает провинция плодоносить, и тянутся оттуда обозы с зерном в столичные закрома. Девандин знал ту единственную правду короля, которая позволяла ему выживать в этой непонятной простолюдинам войне за власть: неважно, как велики твои владения и насколько сильны те, кто хочет твоей смерти – если ты коварен со знатью и добр с простым людом – усидишь на троне дольше тех, кто беспощаден к крестьянам и дружен со сливками общества. В этом Девандин походил на своего соседа короля Хорада из Атарии, кто понимал первостепенное значение простого человека в вечно-работающем механизме под названием история.

– Ваше величество, – заговорил гнусавым голосом дворецкий, – господин Гвадемальд Буртуаэе из Кихона прибыл незамедлительно по вашему приказанию.

Гвадемальд сделал шаг вперёд и глубоко поклонился. Девандин отхлебнул из кубка, вытер руки и губы шёлковым полотенцем, спешно встал из-за стола и вышел навстречу рыцарю.

– Да знаю, знаю! – махнул он рукой на дворецкого и крепко обнял Гвадемальда. – Думаешь, я позабыл, как зовут моего верного вассала? Пойди прочь, старый дурак!

Дворецкий откланялся и удалился. Улыбающийся Девандин, взял Гвадемальда за обе руки, провёл к столу и усадил напротив своего места.

– Кихон, Кихон! – мечтательно произнёс король! – Как давно я не бывал в тамошних лесах. Смотри, Буртуаэе, чтобы эти псы из Варалусии – твои соседи – не наглели. Им дай спуск – позабудут, где их треклятая Варалусия заканчивается, и где начинается славная и прекрасная провинция великой Вирфалии.

Король вдруг вспомнил нечто важное, снова взял рыцаря за руки, поднял со стула и спешно подвёл к одной из ванн с горкой из булыжников. Он присел на корточки и показал пальцем на ручеёк, струящийся вниз по горбатым спинам камней.

– Гляди, Буртуаэ! – сказал восхищённый король. – Чудеса, правда! Вот за это я жрецов и люблю. Представляешь, ветер дует, мельница крутится, и воду аж досюда поднимает. Есть ветер – есть фонтаны. Нет ветра – нет и фонтанов! Ну да что я тебя держу, пойдём, накормлю тебя с дороги.

Они направились обратно к столу.

– Жрецы своё дело знают, – продолжал Девандин. – Вот это, – он указал на ванны, – баловство! А когда придёт засуха, благодаря жрецам, я буду кормить всё Троецарствие. И никакой войны! Вирфалия захватит мир не копьями и кровью, а зерном и крестьянским потом. Гильдия магов который год трещит мне о том, что вот-вот научится обуздывать погоду. Жрецы ничего не говорят, а тихо делают своё дело. Сегодня одно, завтра другое. Дело! Дело важно, а не болтовня! Ну, ты садись, рассказывай, как там, на полуночи.

Они сели за стол и Гвадемальд начал:

– Ваше величество, мне пришлось...

– Нет, нет, нет, нет, нет, – держа в руке куриную ножку и мотая головой, проговорил Девандин. Он подался вперёд. От его бывшего добродушия и воодушевления не осталось и следа.

– Ты расскажи мне, как оно там, в Дербенах. О жизни расскажи, – произнёс он серьёзно, почти сурово, глядя на рыцаря проницательным, холодным взглядом.

Гвадемальд рассказал. Он как мог, избегал всего, что связано с его уходом из провинции. Рыцарь рассказал про Скол, про деревни, про свои патрули, про ветер, который дул с Сивых Верещатников, про форт «Врата».

– Да, да, – задумчиво произнёс Девандин, держа сияющий кубок у виска и не решаясь отпить из него. – Глупое название для форта. Вы не находите, господин Гвадемальд? «Врата»! Я понимаю, что это вроде как ворота туда, на полночь. Но всё же.

– Мне кажется, – начал Гвадемальд осторожно.

– Да, да! Продолжайте, Буртуаэ.

– Что это название оттого, что в форте есть ворота. Во дворе форта двое ворот – одни открывают дорогу на полночь, а другие – полуденные – начинают путь уже по нашим землям. Чтобы пройти с полночи к нам или от нас на Сивые Верещатники надо миновать два портала. Войти в форт через одни ворота, а покинуть его через другие. Но там есть ещё один портал.

Король Девандин отставил свой кубок и прислушался, снова подавшись вперёд, почти нависая над столом. Гвадемальд продолжал:

– Эти третьи ворота расположены на складе. В одной части форта стоит башня и гарнизон, а в другой конюшни и крупное строение. Мы называем его просто складом или колонным залом. Похоже, зал совсем старый и не раз перестраивался. Нижняя половина стен выложена из камня, которого я никогда раньше не видел. Он чёрный, грубо-отёсанный. Его края, с годами, кажется, становятся всё острее. Во время дождя эти чёрные камни намокают и блестят. Однажды, глубокой ночью, когда небо затянули тучи, и вокруг стояла кромешная тьма, я вышел во двор. И лишь мой одинокий факел горел во мраке, но каждый изгиб этих старых стен отражал его тусклый свет, пылая сотней жёлтых огоньков.

– И что же в этом колонном зале? – спросил Девандин.

– Мы храним там припасы. Постройка прилегает к горе и вместо задней стены – просто скала. В этой скале из такого же чёрного камня высечены огромные ворота, размером, со всю эту комнату. Выглядят они жутковато, поэтому солдаты не любят ходить в дальнюю часть склада. Всё, что на складе храниться, расположено ближе ко входу и как можно дальше от этих третьих врат.

– Что за ними?

– Это долгая история. Сам я их никогда не открывал. Однако, – здесь рыцарь замялся. – Когда я только прибыл в форт, я обошёл каждый его закуток. К этим вратам я тоже подходил.

Они выполнены из больших каменных пластин, скреплённых железными скобами. Поверх, врата окованы цепью, звенья которых с мой кулак. Стоя на расстоянии вытянутой руки от этих врат, я чувствовал, как в щелях между каменными пластинами поёт ветер. На своём веку я бывал в катакомбах и подземельях, где держат преступников. Но нигде я не ощущал такого затхлого и холодного воздуха. Если все подземелья, которые мне довелось увидеть, сложить воедино, то и в них бы не зародилось сквозняка подобной силы. В особо тихие ночи, находясь в башне на другом конце форта, я слышу, как лязгают эти чёрные пластины, тревожимые холодными потоками ветров из-под горы.

– Хм, – пожал плечами король. – Из-под горы, говоришь. Я не знал.

Он поднялся. Рыцарь вскочил вслед за ним, но Девандин жестом приказал ему сесть. Король обошёл стол, положил руку на плечо Гвадемальду и сказал:

– Ты ешь, Буртуаэе. Бери, ешь, не стесняйся. Потом пойдешь, отдохни. Людям своим возьми со стола. А завтра приходи ко мне. В полдень. Только не забудь!

«В этом весь король, – подумал Гвадемальд, шагая из малой обеденной залы. – Как можно забыть об аудиенции короля!»

Он шёл по длинному коридору, держа в руках свёрток еды, сложенный для него старым дворецким. Из маленьких окошек, выходящих на внутренний дворик, тянуло промозглым ветром. Гвадемальд поглядел сквозь эти оконца на клён. Вот сходил рыцарь на встречу со своим сюзереном, и вся его жизнь уже не та, что прежде, а этот клён продолжает стоять, как ни в чём не бывало. К чему был весь этот разговор, Гвадемальд так и не понял. Как только наместник Дербен со своим войском прибыл в стольный град, королю немедленно об этом доложили. Незамедлительно вызвав к себе вассала, король перекинулся с ним парой слов, но ничего не желал и слышать о том, почему Гвадемальд прибыл с далёкого гарнизона, своевольно оставив доверенный ему пост. Теперь северные границы королевства не охраняются. Король расспрашивает о всякой ерунде, а все важные вопросы переносит на завтра! Конечно, нападения с севера никто не ждёт, но поведение короля, тем не менее, казалась Гвадемальду совершенно непонятным.

Когда рыцарь вышел во внутренний дворик, поднялся сильный ветер. Аккуратно подстриженные кусты зашипели тонкими прутиками, а клён идеальной формы вдруг потерял стройность, изогнувшись под резкими порывами холодного воздуха. В первые мгновения налетевшего вихря с клёна сорвало добрую половину листьев. Они закружились в воздухе и полетели через высокие стены. Новые порывы ветра накатывали на клён и срывали с него листву.

Не обращая внимания на ветер и листья, хлеставшие по лицу, рыцарь добрался до двери и дёрнул её на себя. Ступив в проход, он помедлил и обернулся на клён. «К утру гол будешь», – подумал рыцарь, и исчез во тьме дворцового коридора.

На следующий день Гвадемальд явился ко двору загодя. До полудня оставалось много времени, и рыцарь снова присел на каменную скамейку перед клёном во внутреннем дворике. Вчерашний шквальный ветер сильно потрепал старого знакомого: листьев на дереве почти не осталось.

Стояло влажное осеннее утро. По небосводу бежали отяжелённые влагой тучи. Но когда сквозь них пробивалось солнце, рыцарь щекой ловил остывающие лучи. Во дворике трудились двое садовников. Они сметали опавшие листья в небольшие кучки. Мётлы хлестали камни и издавали мерный скрежет. Работали молча, хотя до этого они поспорили о том, стоит ли им сейчас заниматься уборкой или нет. Один из них настаивал, что чистить дворик надо только тогда, когда последний лист упадёт с дерева. В памяти рыцаря возник его белый шатёр и странное существо нуониэль с рассказом о листе надежды. Деталей рыцарь не запомнил, но суть истории представлял: где-то есть дерево, на котором к окончанию осени остаётся один лист, висящий до самой весны. Если его увидишь и не сорвёшь, то потеряешь нечто важное, а если сорвёшь, то к следующей весне деревья во всём мире забудут, что такое листья и погибнут.

Уже битый час рыцарь следил за одним листком, который не пожелтел, как прочие. Рыцарь глядел на него насупив брови и фыркал каждый раз, как с дерева срывались другие листья, а этот оставался на ветви.

Ровно в полдень Гвадемальд вошёл в приёмную залу. Это помещение встретило рыцаря большим столом в форме полумесяца, с концами обращёнными ко входу. В середине за столом восседал король. По левую и правую руку от него сидели двое в робах. В бардовой робе – представитель гильдии магов, в жёлтой – касты жрецов. Рядом с магом соседствовали три лорда. На стороне жреца – главный воевода Вирфалии, рыцарь Сегур Крестовий. С ним Гвадемальд встретился ещё вчера, сразу как прибыл в столицу. Этот пожилой рыцарь, безукоризненно следующий кодексу, оказал наместнику короля из Дербен холодный приём. После дежурных фраз, облачённых в пышную рыцарскую куртуазность, Сегур Крестовий любезно намекнул, что все подробности он хочет услышать не раньше, чем их услышит король. Воевода кипел от злобы, но помнил о манерах. Покинуть свой пост – это государственная измена и трусость. И всё же мудрый Сегур не спешил с выводами. Теперь, когда и Девандин и Сегур оказались готовыми слушать рассказ Гвадемальда, рыцарь вспомнил тот холодный приём и скорую беседу.

– Позвольте начать, ваше величество? – тихонько спросил у короля человек в жёлтой робе – верховный жрец Вирфалии Кивиан – широкоскулый и бледный мужчина сорока трёх лет с бородкой клином и жидким, длинным волосом.

Король Девандин кивнул в ответ жрецу, разрешая начать то ли суд, то ли совет, то ли ещё не пойми что.

– Слухи в столице разносятся моментально, – начал жрец Кивиан. – Не успел господин Гвадемальд Буртуаэе из Кихона спешиться в стольном граде, как люди заговорили о Дербенах, полных землях, войне и даже предательстве. Здесь мы собрались именно для того, чтобы покончить с этими гнусными слухами и понять, что же происходит. Также, в мудрости нашей, дать совет королю и выслушать его дальнейшие распоряжения. Итак, господин Гвадемальд, правильно ли я понимаю, что вы оставили ваш пост в форте «Врата» и покинули Дербены?

Не поняв, чего же именно хочет от него жрец, Гвадемальд вопросительно посмотрел на этого бледного человека. Единственное слово из всей тирады, которое запомнил рыцарь: «предательство».

– Отвечайте же, господин! – подбодрил его жрец Кивиан, смягчая тон и стараясь не давить на рыцаря. Этот тон снисхождения рыцарь понял по-своему.

Гвадемальд перемялся с ног на ногу и ухмыльнулся. Миг назад, услышав слово «предательство», он чуть ли не затрясся от волнения и распереживался за свою дальнейшую судьбу. Теперь же, после этого мягкого тона жреца, рыцарю вдруг стало абсолютно всё равно, что будет с ним после неприятного собрания. Рыцарю сделалось искренне смешно оттого, что он испытал малодушие.

«И этот негодяй посмел упомянуть предательство, говоря обо мне? – пронеслось в голове Гвадемальда. – А Сегур Крестовий сидит и смотрит, как я на это отреагирую! Вот прохвост! Ну я вам ещё покажу, что значит честь для кихонца».

Когда-то давным-давно, Гвадемальд читал жрецов и совершенно не понимал позиции магов. Но те вещи, которые происходили с ним в Дербенах, заставили рыцаря изменить свою позицию. На севере, вдали от всех этих перипетий, замков, знати и дворцовых интриг, можно и не определяться с тем, кому верить – жрецам или магам. Теперь же увидев воочию верховного жреца Вирфалии, Гвадемальд мгновенно сделал окончательный вывод.

– Уважаемый жрец Кивиан, – начал Гвадемальд, даже не стараясь спрятать улыбку. – Провинция Дербены – полночь нашей державы. Тамошний люд далёк от больших городов и света Учения, которое вы проповедуете. У народа там много предубеждений. Признаюсь, что и я, проведя в Дербенах долгие двенадцать лет, перенял часть этих предрассудков. Когда я прибыл туда, я был таким же, как вы, но со временем я изменился. Мои суждения о жизни,

смерти, Вирфалии и людях перестали напоминать взгляды благородного рыцаря из богатой провинции. Одной из замечательных особенностей суждений тамошнего люда можно назвать ту, которую я, наперво, счёл безумием. Мне казалось, что жители Дербен сошли с ума, и что вопросы их не имеют никакого смысла. Раз за разом, я твердил себе, что вопросы местных стоит пропускать мимо ушей. Ведь если – наделяя смыслом ответ – отвечать на вопрос, который не имеет смысла, можно самому сойти с ума. Теперь же, я прибываю в стольный град Идрэн и вы – уважаемый верховный жрец – спрашиваете меня, оставил ли я «Врата» и покинул ли полночную провинцию. Если бы на вашем месте оказался человек, которого я совершенно не знаю, я задал бы ему встречный вопрос: из Дербен ли он. Потому что, как по мне, такой бессмысленный вопрос, как задали вы, может задать либо дербенец, либо безумец. Но так как полночная провинция не является вашей родиной, можно заключить, что предатель в этом зале не я. Я говорю не о предательстве короля Девандина и королевства Вирфалия, а о предательстве вашего Учения, где всё построено на данностях. А то, что я не в форте «Врата» и не в Дербенах – это данность.

– Как вы смеете, господин Гвадемальд! – вспыхнул жрец Кивиан и вскочил со стула, и чуть ли не стукнул кулаком по столу в присутствии короля.

Гвадемальд заметил, что старый воевода Сегур Крестовий тайком возрадовался тому, как его собрат рыцарь выкрутился из мерзкой ситуации и сохранил честь. Король Девандин, как будто бы и не заметил того, что произошло. Его взгляд казался отрешённым, а головой он поворачивал словно ребёнок, только что пробудившийся от детского сна.

– Не стоит кипятиться, достопочтенные, – произнёс верховный маг Байсен. – Возможно, господин Гвадемальд хочет сказать, что ситуация в Дербенах столь сложная, что объяснить её вот так в двух словах невозможно.

Позиции гильдии магов в Вирфалии хирели год от года; без поддержки короля, организация потеряла авторитет у знати, а постоянные неудачи в попытках управлять погодой и прочими природными явлениями, заставили простой люд отвернуться от бардовых роб. Несмотря на это, верховный маг Байсен продолжал смотреть в будущее с надеждой. Его удивительные обаяние и доброта служили гильдии верой и правдой. Сказать по чести, если бы на месте главы гильдии оказался кто-то другой, король, под давлением касты жрецов, уже давно распустил бы это сословие. Но главенствовал у почитателей магии именно Байсен. Даже жрецы, ненавидящие магов всей душой, отступали перед Байсеном, отдавая должное его трезвому рассудку, доброму сердцу и истинной любви к отечеству. Слова, произнесённые верховным магом, предали сил Гвадемальду и укрепили его веру в мелочность жреческого сословия.

– Давайте начнём с начала, – сказал воевода Сегур Крестовий. – Господин Гвадемальд получил приказ его величества заступать на службу в дербенском форте «Врата», до дальнейших распоряжений. Господин Гвадемальд так и сделал, но, в конце концов, всё-таки ослушался своего сюзерена и нарушил приказ – покинул свой пост. Тем не менее, я должен заявить, что господин Гвадемальд неоднократно обращался ко мне с просьбой выслать ему помощь: людей, оружие, фураж, провиант, коней. Принимать подобные решения без совета с вашим величеством не в моих правилах. В мудрости своей, ваше величество каждый раз считало, что стоит повременить с исполнением всех этих просьб. Сказать по правде, я вас в этом каждый раз поддерживал.

– Вот видите, уважаемый Кивиан, – продолжил маг Байсен, обращаясь к жрецу. – Ответ господина Гвадемальда на ваш вопрос оказался не столь бестолковым, как могло показаться. Пробыв в полночных землях очень долго, господин рыцарь стал излагать свои воззрения тем языком, который там ясен и понятен, но здесь, в стольном граде кажется запутанным и несуразным. И мне думается, что главной задачей господина Гвадемальда – вспомнить, как говорить понятным для столицы языком, а наша задача – научиться думать так, как думают в Дербенах.

Повисло молчание. Слова Байсена подействовали на всех успокаивающе. Впрочем, как и всегда.

– Хорошо, – хлопнув в ладоши, сказал воевода Сегур. – Господин Гвадемальд, скажите, форт «Врата» всё ещё наш?

– Нет, – коротко ответил рыцарь.

– Вам удалось присмирить разбойников, обезумевших от сказок про сокровища Скола? – в свою очередь спросил жрец Кивиан.

– Нет.

– Вы можете сказать, когда возобновятся поставки товаров из Дербен и из Сивых Верещатников? – поинтересовался один из лордов.

– Нет, – снова ответил Гвадемальд.

Сидящие за столом стали переглядываться. Один король ни на кого не посмотрел: он казался таким же отстранённым, как и в начале разговора. И всё же именно он задал следующий вопрос:

– А что вам понадобится для того, чтобы из трёх «нет», сделать три «да»?

– Самая крепкая железная цепь, что есть в нашем королевстве, войско в две с половиной тысячи копий, дюжина рыцарей, две дружины плотников и столько магов, сколько способна отрядить гильдия, – бойко ответил рыцарь.

– Не слишком ли много вы собрались выставить против одного человека? – спокойно спросил Девандин. Скорее всего, до короля уже дошли слухи, что форт «Врата» необычайным образом захватил всего один человек. Конечно же, король не мог поверить в подобные бредни, но, как мудрый правитель, он понимал, что слухи редко рождаются на пустом месте.

– Он не человек, – ответил Гвадемальд. – И, если бы я сам не оказался участником тех событий – я никогда бы не поверил в подобные рассказы.

Гвадемальд попросил разрешения присесть. Ему подали небольшой стульчик; такой, на которых обычно сидят менестрели, играя знати, пока та вкушает дорогую снедь. Гвадемальд опустился на него, предварительно подобрав свой белый парадный плащ.

– Я часто пытался найти корень всех дербенских бед, – начал он. – Сначала мне казалось, что все невзгоды из-за Скола. Что если бы он не рухнул на нас, не произошло бы всего этого. Потом я понял, что глупо винить в своих несчастьях кусок камня, пусть даже такой огромный. Я почувствовал, что проблема в людях. Именно люди, а точнее – разбойники, наводнившие провинцию, превратили всё в хаос. Я долго жил с подобными мыслями, пока однажды я не осознал то, что до сих пор считаю правдой: виноваты мы сами. Наши суждения о полных землях неверны. Наши помыслы в этой провинции нечисты. Наше отношение к той земле неправильное. Мы её не понимаем. А если у нас нет понимания, то нет оружия против страха. Мои люди, да и я сам, опасались третьих врат, располагающихся в колонном зале форта. Почему? Потому что мы не знали, что за ними. Несмотря на опасения, мы несли службу. Но всё изменилось, когда пришёл он.

– Он? – переспросил маг Кивиан.

– Страшный человек, – продолжал Гвадемальд. – Ходят слухи, будто бы это волшебник.

– Вы хотите сказать, что это маг? – снова спросил Кивиан.

– Подобный человек не может принадлежать к гильдии магов, – ответил рыцарь. – Если его вообще можно считать человеком.

– Вы хотите сказать, что этот некто – сказочное существо? – усмехнулся жрец. – Экая несурица!

– Под моим командованием находилось семь сотен щитов, уважаемый жрец Кивиан. И я распределил людей по всей провинции так, что каждый холм, каждый луг, лес и каждая деревня находились под наблюдением. В первые два года моего наместничества в Дербенах не произошло ни одного убийства. А потом упал Скол и явились бандиты. Я успешно боролся с

ними. Потом всё изменилось. Мы стали терять людей. В полуденные ворота всё чаще стучались солдаты, несущие на щитах товарищей по оружию. Пластуны донесли, что петух на компостной куче вовсе не какой-то бандит-человечишка. Есть ещё кое-кто, наводящий ужас на самих разбойников. Белые Саваны, которые некогда чуть не уничтожили всё Троецарствие. Вот кто командует отребьем!

– Вы, господин Гвадемальд, утверждаете, что Белые Саваны из Варварии руководят бандитами, – сказал воевода. – Вы не раз упоминали об этом в донесениях. Вы видели их своими глазами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.